

ДИАНА РЕЙН

ВИДЕНИЯ ВАСЕНИНОЙ

16+

Видения Васениной

Сосновцы

Диана Рейн

Видения Васениной

Диана Рейн (Diana Reyn)

Оригинальное издание на русском языке.

© 2022 Диана Рейн. Все права защищены.

Содержание

О тех, кто уверен 1

О тех, кто спорит 10

О тех, кто смеется 17

О тех, кто спокоен 25

О тех, кто недоговаривает 32

О тех, кто остается 41

О тех, кто обижается 50

О тех, кто запутался 62

О тех, кому тяжело. Ч. 1 74

О тех, кому тяжело. Ч. 2 84

О тех, кто не сдается 93

О тех, кто отстает 107

О тех, кто засыпает 123

О тех, кто будет 138

О тех, кто уверен

— Граждане туристы! Минутку внимания!

Броня широко улыбался, как умеет только он — больше видно верхнюю десну, чем сами зубы. Глаза сверкали, отражая свет печки. В руке держал какой-то лист бумаги, неизвестно, откуда взяв его. Хотя, если Броне что-то надо, он и из-под земли достанет. Рядом с ним сидел Рустик и хитро поглядывал на остальных. Ну, что еще задумала эта веселая парочка?..

— Представляем вам первый выпуск газеты «Ночной Рауп»!

В старой, тонкой палатке сейчас было тесно, тепло и уютно. Все сгрудились вокруг фонаря и печки, смотря на Толю с Рустемом, и уже начали улыбаться, в предвкушении веселой шутки. Немного посмеются, повеселятся, потом еще поболтают и наконец начнут укладываться спать. Завтра — долгий подъем на вершину, но это только завтра. А пока Вадим блаженно растянулся по всей диагонали палатки, чтобы уместить свое длинное тело. Люся о чем-то шушукалась с Колей, доверительно наклонив к нему голову. Даже Юра Дорошенко в кои-то веки улыбался, а Сашка Южин с любопытством поглядывал на Броню со Слободиным, пытаясь разгадать, что они задумали.

Неля теснее прижалась к плечу Глеба, который устроился рядом с ней. Вдохновленный скорым покорением гор-близнецов, он был особенно благосклонен к ней и смотрел с такой теплотой в глазах, что не верилось, как всего пару дней назад был холоднее льда…

— Начнем с новостей философии. — Броневский снова расплылся в улыбке, а Рустик аж рот прикрыл, чтобы не рассмеяться вслух. — Лекция «Туризм и чуйства» проводится ежедневно в па-

латочной аудитории. Ведут профессор Норкин и кандидат любовных наук Коломийцева…

Неля успела увидеть, как Люська сердито надулась и скрестила руки, а Коля засмеялся и запустил в Броню рукавицей. Варежка не успела долететь до Броневского, как палатка обвалилась.

Обвалилась, потому что на нее рухнул снег.

Нелю вдавило грудью в настил. Лицо прижало к штормовке, на спину навалилась тонна снега. Воздух выжимало из легких, и она суматошно дергалась, пытаясь освободиться. Паника, ослепляющий страх убили все остальные чувства и мысли.

«Я задыхаюсь! Я ЗАДЫХАЮСЬ!»

Вокруг было тихо. Ужасно тихо. Никто не вопил, не стонал, не звал на помощь. Всё погреб под собой снег, заглушив звуки, даже самое слабое дыхание. Неля пыталась хоть немного повернуть голову, чтобы закричать, но едва ли могла шевельнуться под таким весом.

— А теперь о науке.

Голос Брони прозвучал отчетливо, пусть уже и не так весело. Неля заворочалась сильнее, пытаясь привлечь его внимание. Он что, совсем ничего не заметил или...

— Ученые всех стран ведут дискуссии о том, существует ли смерть. По последним данным, смерть можно найти в районе горы Рауп, на Урале.

Толя замолчал, а в следующий миг тяжесть со спины Нели пропала.

Она вскочила на ноги, ртом хватая воздух и жмурясь от боли в груди и носу. Кто-то откинул упавшую палатку и уже убрал весь снег. Солнечный свет ударил по глазам, и она простояла несколько секунд, чувствуя, как по лицу текут слезы. Затем быстро вытерла их и оглянулась.

Вокруг нее неподвижно лежали ребята. Сломанные, раздавленные, задохнувшиеся ребята. Лицо Брони закрывал лист с рисунком черепа.

***

— Мы идем на Рауп!

Глеб торжественно поднял над головой разрешение Виннера, как будто это был кубок. В строгом пиджаке, с аккуратно уложенной прической и дипломатом под мышкой — он сейчас менее всего походил на туриста. И на миг Неле даже показалось, чтобы это так и оставалось.

В комнате общежития сейчас была вся их группа: Неля, Люська, Юра Дорошенко, Рустик, Саша-Маша, Шакунов, Коля Норкин и Броня. Смотря на них, ни за что нельзя было сказать, что они только и думали про этот поход целыми днями, еще не зная, точно ли их отпустят туда и всех ли.

Сашка Южин ковырялся в кармане, по одной выуживая мелкие монетки. Рядом с ним на кровати сидела Люся, держа на коленях книгу, обложкой вниз. Со своего места она спорила с Вадиком Шакуновым, а он стоял у стола, слегка опираясь на угол, скрестив руки на груди, и слушал ее. Коля сидел на крае соседней кровати и мял в руках лист бумаги — скорее всего, очередную записку от декана.

Юра, Рустик и Броня топтались у порога, за спиной Глеба. Они прибежали вместе с ним, еще ничего не зная, и потому выглядели забавно растерянными.

После объявления Глеба они словно все разом с ума сошли: заорали и принялись аплодировать. Норкин разорвал записку и выпустил в воздух клочки бумаги, на манер салюта. Люська обняла Сашку, и тот выронил всю мелочь.

Неля стояла позади всех, спиной к подоконнику, опираясь на него руками, и никто на нее не смотрел. Хорошо. Потому что после слов Глеба она почти побледнела.

«Ночной Рауп».

Конечно, это лишь сон. Дурной сон, потому что она слишком много думала про этот Рауп в последнее время. Вот он к ней и привязался. Наверное, всем туристам перед походами снятся тревожные сны, но никто об этом не говорит, а некоторые и вовсе забывают. Правда, настолько явный кошмар мучил Васенку впервые и, наверное, из-за этого она никак не могла выбросить его из головы.

— Ну что ж, граждане туристы, — к Глебу подошел Броня и хлопнул по плечу, — тогда предлагаю сегодня это дело как-то отметить и потому приглашаю всех к себе!

Граждане туристы! Минутку внимания!..

Неля несколько раз моргнула, чтобы прогнать наваждение. Толя, а на его лице лежит лист с черепом.

— Вот и договорились, — Глеб вывернулся из-под руки Броневского и подошел к столу. — А пока давайте выберем начхоза. Есть добровольцы?

Норкин выбросил вверх руку.

— Ты, что ли?

— Позвольте выдвинуть кандидатуру товарища Коломийцевой! — громко заявил он, насмешливо поглядывая на Люсию.

Профессор Норкин и кандидат любовных наук Коломийцева…

— А я и не против! — оживилась Люся и выскочила вперед. — Когда мы точно выдвигаемся, начальник?

Неля со стороны наблюдала за тем, как Глеб раздает указания и поручения. Вот он, настоящий Сосновский — перед походами проявляет все свои самые сильные черты. Он опытный турист и

лидер, всегда знает, что делать. Даже когда весной прошлого года на Алтае Нелю укусила змея. Она была уверена, что уже никогда не увидит маму и что случилось все самое худшее, что только могло случиться. Но все обошлось. И Глеб вернул ее домой в целости и сохранности. Под его начальством ей не о чем волноваться. Правда ведь?..

— Виннер предлагал взять на пару дней больше, — говорил он в это время ребятам, — но я настоял на двух неделях. К чему нам эти лишние дни? Мы уложимся в срок...

Она решила подойти сейчас к нему — поговорить или просто постоять рядом. Ей даже от этого стало бы спокойнее. Но Глеб быстро сложил все бумаги, кликнул Шакунова, и они ушли. Люся, уже войдя в роль начхоза, успела крикнуть им в спины, чтобы не забыли принести безмен.

Саша Южин нашел свою шапку и тоже убежал. Неля глянула в окно, раздумывая, не пойти ли домой и ей. А с Глебом она может поговорить и вечером, у Броневского.

Поговорит, и все тревоги как рукой снимет.

— Ну что ж! — Люська была счастлива. — Я сделаю все расчеты и потом скажу, сколько денег нам понадобится. Нужно будет еще узнать у Глеба, какой вес планируется… Так, мне прямо сейчас нужны бумага и карандаш, пока я ничего не забыла...

Она начала рыться в ящике возле стола, а Юра Дорошенко заметил Нелю.

— Васенка, ты что как в воду опущенная? Не рада? Третья категория, Рауп!

— Да она мысленно уже у костра сидит и дневник заполняет, — хохотнул Броня, перетрясая свою штормовку в поисках последней папиросы. — Кстати о дневнике. Я буду его вести только в

самых исключительных случаях, а пишущей машинкой пусть побудет кто-нибудь другой...

Всем ли туристам снятся тревожные сны перед походами? Неля перевела взгляд со спокойного Юры на веселого Толю, потом на Рустика, который, забыв обо всем, что-то чиркал на листке. Посмотрела на уверенного Норкина и суетливую Люсю, поглощенную новой работой. Всем ли?..

— Рада, конечно я рада. — Она не смогла посмотреть Юре прямо в глаза. — Это же… так далеко. Там, наверное, еще никогда никого не было…

— Да нет, были, — вмешался Коля. — Я слышал, что несколько лет назад там погибли туристы. Не вся группа, но…

— Так! — Люся выпрямилась и ударила Норкина блокнотом. — Хватит пугать Васенку — не видишь, она и без того переживает.

Да, от взгляда Коломийцевой ничего не скроется. Неля почти обиделась — поди еще расскажет все Глебу, и он решит не брать ее в поход вовсе.

— Я не переживаю, — начала оправдываться она. — Просто это сложный поход. Согласитесь, всякое может случится…

Например, на нашу палатку сойдет лавина…

Рустик, не отрываясь от письма, хихикнул. Люся покачала головой, а Юра обеспокоенно нахмурился, смотря на нее.

— Васенина, всякое может случится, даже если просто с кровати подняться, — пробубнил Толя, зажимая зубами сигарету и теперь разыскивая спички. — А на улицу выйди — приключения так и посыпятся на голову…

— И не только приключения, — хмыкнул Коля и перекинул ему коробок.

Даже Юра улыбнулся и кивнул ей, как бы предлагая согласиться с ними. Люська и вовсе уже забыла про нее, погрузившись в расчеты.

Неля тихонько вздохнула, смотря на них. Да, обычно туристы не видят плохих снов перед походами.

***

«— Пшено! Два плюс… Это на сколько же порций?.. Так, не забыть какао. Если на котелок одну банку, то...

Люся считает деньги и всё записывает в блокнот. Я всем купила тетради, каждому подписала и еще думала, что, ах, как это будет здорово, что каждый будет вести свой собственный дневник в этом походе!.. На деле же я увидела, что лишь Люся заинтересовалась моим подарком. Правда, записывала в него не свои мысли и чувства, а подсчеты овсянки, банок сгущенки и соли. Наш начхоз во всей красе!

Вокруг творится веселый кавардак, который всегда получается, когда мы собираемся в поход. Кто-то что-то ищет, укладывает, перекидывают друг другу вещи… Я устроилась с дневником на подоконнике и посматриваю на дверь. Сегодня комната общежития — это настоящий проходной двор, но Глеб до сих пор не появился.

— У кого нож? У меня уже ничего не влазит!

— Это чьи пимы?

— В поезде на мандолине играть будем?

— Тише! — Люся зажимает ладонями уши и продолжает бубнить: — Три с половиной килограмма плюс… А концентраты? Кто покупал концентраты? Одиннадцати рублей и семнадцати копеек не хватает!

— Броня покупал, — отзывается Дорошенко, пока Люся не начала все тут перетрясать, включая нас.

Броня еще не появился. Начхоз мечется по комнате, ругая несчастного Толю на чем свет стоит, а я все поглядываю на дверь.

К нам заглядывает Славка из соседней комнаты, перекидывается парой слов с Вадимом, занимает у него несколько монет и уходит. Он тоже собирался с нами в этот поход, но то ли из-за «хвостов», то ли еще из-за чего пойти не смог. Так нас и осталось всего девять человек.

Наконец объявляется запыхавшийся Толя Броневский.

— Я из-за трамвая...

Он не успевает договорить, как Люська берет его в оборот:

— Гони остатки, тунеядец!

— Какие еще остатки?

— Я подсчитала, что у тебя от концентратов должны быть остатки!

— Но я не покупал никаких концентратов!..

Вечно перед походом так — все спорят, ищут что-то и, кажется, что эти люди никогда и ни в чем не смогут договориться. Но возьмите их и отправьте подальше от города, предоставив одну палатку и один котелок на всех. Уже через пару дней эти люди станут настоящей семьей. Ну а пока…

Пока Люся вымогает у Саши Южина мелочь, а Вадим, приоткрыв дверь, переговаривается со своей женой Лялькой, которая боится заходить в нашу берлогу. Рустик сортирует банки с тушенкой, Юра что-то ищет на полках, а Коля перетрясает палатку. Броня старается больше не попадаться начхозу на глаза и подсаживается ко мне.

— Что пишешь?

— Дневник.

— Дашь посмотреть?

— Вот еще!

Я на всякий случай рукой закрываю от него страницу. Это общий дневник мы будем все читать и вести по очереди. А этот — мой, личный. Я никому и ни за что его не покажу. Сколько дорогих воспоминаний, сколько признаний и чувств хранит эта тетрадка…

А иногда просто потоки мыслей и описания всего происходящего, как сейчас. Я пишу, только чтобы забыться. Заразиться от ребят этой искрой предвкушения, нетерпения, счастья. Мы же идем в поход! Третья категория, Рауп!.. Только бы не думать над своим странным сном. Таким странным сном.

— Смотрите, вот и Глеб!

Я поднимаю глаза, и тут же обо всем забываю...»

О тех, кто спорит

— Бегом из палатки, живо!

Неля сжалась в комок и закричала. Вокруг творился настоящий ад. Ее толкали, трещала рвущаяся ткань и кто-то громко стонал от боли.

— У кого нож?!

На нее упали, придавив своим весом, а затем тут же поднялись вновь.

— Режь скат! Броня, быстрее!

Темнота была такая, что хоть глаз выколи, но вдруг в ней прорвалась белая, неровная полоса.

Кусок брезента вырвали, чтобы как можно скорее выбраться наружу. Неля сама не поняла, как очутилась на снегу. Кто-то продолжал кричать, а Глеб вытаскивал из палатки обмякшую Люсю.

Рядом с Нелей упал Вася Постырь, грудью вперед, и уже не поднялся. Она попыталась растормошить его, приподнять, но тут Глеб взял и швырнул Люсю на снег. Швырнул, словно это был рюк или дрова.

Он отвернулся и заглянул в порванную палатку, начал вытаскивать кого-то еще. Неля подползла к подруге, заботливо приподняла ей голову и позвала. Но не услышала свой голос. Крики ребят, рев ветра стали тише.

Люся лежала на спине, запрокинув лицо, но не видела Васенину. Вместо глаз у нее зияли две черные дыры.

***

Неля только слышала о том, что дети могут кричать во сне от привидевшихся кошмаров. Но это же дети, верно? Им все простительно.

Когда она очнулась в чьих-то руках, то далеко не сразу поняла, что ужасный крик, который звенел в голове, был ее собственным. Она задыхалась от него, как будто ее заставлял кричать кто-то другой, сдавливая грудь, чтобы вышел весь воздух.

— Неля! Неля! Успокойся!

Твердый, уверенный даже сейчас голос Глеба наконец вернул ее в реальность, и она поняла, что ее окружают его руки. Он сидел рядом с ней на полке, почти посадив к себе на колени. И она поняла, как вокруг было тихо. И спокойно. Они не в палатке, все еще в поезде. Вагон успокаивающе постукивал, и поезд забирался все дальше и дальше в заснеженную тайгу…

Теперь она вспомнила. Как шумно загрузились и, не успел вагон тронуться, как принялись распевать песни. На вокзале познакомились с Васей Постырем, и он тут же нашел со всеми общий язык. Она еще сказала ему, что он настоящий пижон, а он только обрадовался...

Что еще? Забыли отдать маршрутную книжку, Саша Южин на удивление много болтал, Люся кружилась по всему вагону, оттаптывая ноги, а Броня корпел над дневником...

— Неля, ты как?

В сумрачном свете она едва угадывала лицо Глеба. Он говорил спокойно, даже участливо и продолжал придерживать ее, но она все равно видела, что он был закрыт от нее. Все еще.

Мерно покачивался поезд, за окном пролетали серые пятна тайги. Кто-то храпел за стенкой...

— Что случилось?

Из темноты вагона к ним вышел Вася Постырь. Бедняга. Он их еще совсем не знает, а теперь, верно, решил, что ему попалась группа истериков. Рядом с ним нарисовался взлохмаченный Толя, поправляющий на плече лямку от штанов. Неля молча смотрела на

их встревоженные лица и не могла ответить. Ее до сих пор била дрожь.

У кого-нибудь из них есть с собой нож?..

— Температуры нет? — Глеб прижал прохладную ладонь к ее лбу. — Нет. Тебе просто приснился кошмар, Неля. Только и всего.

Показался заспанный Юра Дорошенко, и Неля успела подумать, что скоро к ней так сбежится весь поезд.

— Что случилось? Кто кричал? Неля?

Он растерянно моргал, смотря на них с Глебом, а она вдруг заметила Люсю на соседней полке. Она так и не проснулась.

Неля вырвалась из рук Глеба, прошла между Васей и Толей и склонилась над подругой. Люся неподвижно лежала, повернувшись лицом к стенке и, казалось, даже не дышала.

— Люся! — испуганно вскрикнула Васенина и потеребила подругу за одежду, повернула ее голову к себе.

Люська проснулась неожиданно, испуганно. Подскочила, отпрянув от Нели, и громко ударилась о стенку, ахнула. Над ней на верхней полке сердито забубнил и заскребся Коля Норкин.

— Сами не спят и другим не дают...

Неля выдохнула, потерла глаза. Самое главное, что с Люсей все было в порядке. С Васей все было в порядке. Они все были в порядке, потому что ей привиделся просто дурацкий сон. Кошмар.

— Простите меня, — забормотала она и попятилась обратно к своему месту. — Простите, ребята, я просто…

Она смущенно опустила глаза, и Глеб сочувственно приобнял ее за плечи.

— Ничего-ничего. Все в порядке. Ложись спать.

Он сам заботливо укрыл ее курткой, поплотнее подоткнув со всех сторон. Разве что только в лоб не поцеловал. Вася и Толя, перешептываясь, направились обратно к своим местам. Юра еще по-

стоял, молча смотря на нее, но подойти не рискнул. А Люся так и сидела, держа левую ладонь на груди и дыша через разомкнутые губы.

Едва Глеб забрался к себе на верхнюю полку, а Дорошенко наконец ушел, она подсела к Неле и взяла ее за руку.

— Васенка, что случилось? Кошмары мучают?..

— Меня теперь тоже, — заворчал Коля, — о том, как мы срываем поход из-за…

— Норкин, — негромко рыкнул на него Глеб.

Коля замолчал, еще немного повозился и затих.

Неля вслушивалась в привычный клекот поезда, в сердитое сопение Коли, в храп Саши Южина за стенкой, которого ничто не разбудило, и наконец прошептала:

— Да забудь, Люсь. Привиделось просто. Извини, что я тебя напугала.

Люся миролюбиво улыбнулась, погладила ее по руке и вернулась к себе. Через пять минут все ребята вновь заснули.

Кроме Нели.

Нужно будет проверить, у кого из мальчишек с собой финка. Так, на всякий пожарный...

***

«Добрались до Аляпки. На вокзал нас не пустили, а в столовую не позволила пойти начхоз. И ладно бы на этом дело кончилось.

Мы собирались мирно-чинно подождать поезд, ан нет. Толя наш Броневский вздумал спеть — мы вообще-то привыкли петь на вокзалах, пока ждем поезд, но в «одноэтажной Аляпке» это сочли недопустимым. Откуда-то из-под земли явился милиционер и взял нашего Броню под милые ручки. Ребята побежали его выручать, а мы с Люсей остались и хохотали до колик в животе. Все-таки

Броню отпустили, перед этим прочитав лекцию о нарушении общественного порядка.

После этого Люська затащила нас в школу — рассказать детишкам о туризме. Вася Постырь начал городить что-то мутное, Люся смогла рассказать лишь о том, как сварила в котелке ботинок, так что пришлось все брать в свои руки. Ребятня так к нам привязались, что потом никак не хотели отпускать и даже уговаривали меня остаться с ними. Смешные!

Затем наконец-то погрузились в поезд. Когда начали петь, мне наконец удалось полностью забыться и развеселиться с ребятами. Какая же я глупая, верю снам словно суеверная старушка. Прочь все сомнения! С нами все будет в порядке, потому что мы идем с Глебом!..

Еще один казус. Пока горланим песни, к нам подходит какой-то парень и начинает наезжать на ребят.

— Бутылку сперли из кармана, говорю!

— Какую бутылку? Ты о чем?

— Водку! Верните по-хорошему, а?

Рустик и Глеб пытаются миролюбиво объяснить парню, что они ни при чем, но алкоголик злится еще больше.

— Не вернете бутылку — я вам всем зубы выбью, слышишь?

Я как могу удерживаю на месте Колю. Он пьяниц терпеть не может, убить готов. И этого бы парня пришиб, но, на наше счастье, появляется милиционер. Алкоголик быстро сворачивает свои объявления и убирается восвояси.

Едва он скрывается, как Норкин огрызается на меня:

— Нелька! Да ему челюсть надо было выбить, чтоб знал! Вот чмо!

Ну да, и в этот раз в участок бы забрали Колю — притом не просто на воспитательную беседу, как вышло с Броней. Но он

этого не понимает. Когда в радиусе десяти метров от него появляется кто-то с алкоголем, Норкин как с цепи срывается.

Надеясь вернуть ребятам мирное расположение духа, а завожу разговор о чувствах:

— А как думаете, существует ли любовь с первого взгляда?

Это отвлекает группу. Все тут же принимаются галдеть на разные лады:

— Сказки! Это нево...

— Конечно да! Лично я в это верю!

— То-то гляжу, начхоз вечно по сторонам зыркает, своего единственного ищет!

— Вообще-то это имеет место быть. Недаром об этом написано столько песен и книг.

— Любовь, ребятушки, это всего лишь химическая реакция в организме, и…

— О, глядите, наш циник проснулся!

Пока все смеются и спорят, я украдкой посматриваю на Глеба. Он с загадочной улыбкой наблюдает за ребятами, но сам не высказывается. А жаль.

Вадим Шакунов выпрямляется и задирает подбородок, готовясь преподать нам всем урок с высоты своего колоссального семейного опыта. Колоссального — это одна неделя.

— Я считаю, что любовь начинается с первого поцелуя. Тогда и понимаешь, любишь по-настоящему или нет.

Это вызывает целую волну обсуждения и возмущения со стороны Люськи. Я бы даже посмеялась над этим, если бы я только не вспомнила тот случай.

Был зимний вечер. Мы с Глебом шли из института. А в какой-то квартире на первом этаже был праздник. Может, свадьбу гуляли, может, еще что-то. Медленный фокстрот звучал на всю улицу,

а за шторами кружились пары. И не успела я опомниться, как оказалась в руках Глеба.

Мы танцевали вальс, а не фокстрот, и я смеялась как дурочка. У меня кружилась голова и заплетались ноги, но было так легко и так радостно!.. А потом…

— Васенка, ты что молчишь? Думаешь, бывают поцелуи без любви?

Люся прямо вся пыхтит от возмущения, что кто-то посмел высказаться столь неосторожно. Ребята улыбаются, и только Шакунов продолжает что-то обиженно бубнить.

— Поцелуи без любви?

Любил ли меня Глеб в тот момент? Сложно сказать. Я его оттолкнула. Он ушел. И с тех пор между нами провисло это неудобное, неловкое напряжение.

— Я думаю, что нет, — у меня хватает сил сказать это. — Разве приятно целовать кого-то без симпатии к нему?

Я стараюсь не смотреть на Глеба. Нет, только не сейчас.»

О тех, кто смеется

— Ну что? Завтра идем покорять Рауп!

Глеб улыбался. Глеб сиял. Глеб выглядел как именинник, который получил все подарки, о которых мечтал. Он поднял алюминиевую кружку с разбавленным спиртом словно это был бокал с дорогим шампанским.

— Мы долго шли к этому, на пути встречали разного рода… препятствия. Но вот мы здесь. Я посвящаю этот тост вам — железным туристам из УПИ!

— И не только, — справедливо заметил Рустик и подмигнул Васе.

Он не обиделся. Встал наравне со всеми и тоже чокнулся кружкой с Глебом. Неля пригубила из своего стакана и тут же зажмурилась. Питье оказалось ужасно… горячим! Оно обожгло губы, язык, и у нее даже перехватило дыхание на время. Если это опять Броня с его шутками!..

Она отдышалась, проморгала и даже успела удивиться, что никто из мальчишек не засмеялся над ней. Опустила кружку и наконец открыла глаза.

Все ребята сидели на своих местах. Никто не разговаривал, никто не смеялся, никто вообще не двигался. Они неподвижно застыли на бревнах, кто согнувшись, кто откинувшись назад, кто завалившись набок и опираясь на другого. Костер потух.

— Ребята? Вы чего?

Неля дотянулась до ближайшего к ней Юры и попыталась потеребить его за плечо. Но едва она дотронулась до промерзшего, каменного тела, как Дорошенко упал. Вперед, лицом в угли костра.

***

Неля подскочила и первое время бессмысленно блуждала взглядом по сторонам, не понимая, где находится. В холодном воздухе стоял запах металла, но ей показалось, что пахнет кровью.

Нет, конечно же не кровью. Вон как шумит и пофыркивает проходящий мимо состав. Они же ночевали на вокзале. Только в первом часу ночи приехали в Кожар и разместиться на сон пришлось прямо здесь, расстелив в углу палатку на полу.

— Васенка? Ты что?

Она обернулась и разглядела Люсю. В тусклом свете ламп она сидела на скамье и что-то шила. Рядом с ней развалился Саша и дремал, запрокинув голову на спинку сиденья и вытянув ноги.

Неля тихо поднялась, поеживаясь от холода и твердого пола. Тело, еще не привыкшее к походу, слегка жаловалось болью в спине и ноющим левым плечом.

— Ты что тут? — спросила она, подсаживаясь к Люсе, и посмотрела на Южина. — Дежуришь?

— Ага. — Она показала на бахилы, которые штопала. — Уже не вижу ни черта, надо бы спать идти… А Сашка недавно подскочил, его кошмары мучали. — Изучающий взгляд прищуренных, голубых глаз. — Тебя тоже, я погляжу?

Неля потерла виски, не торопясь отвечать. Южин во сне что-то неразборчиво буркнул, повел плечами и снова захрапел. Интересно, что снилось ему?

— Да, Люсь, — наконец призналась она. — Что-то меня в последнее время тревожные сны беспокоят. Может, потому что мы идем в сложный поход? Тебе ничего такого не снится? Вон, видишь, даже Сашу стали кошмары мучить, — разговорилась она, — так, может, и других ребят тоже? Только они ведь ни за что не признаются.

Люся широко зевнула, слегка прикрыв рот ладошкой, и отложила шитье.

— Не знаю, мне ничего такого не снится. Переживать просто надо меньше. Я, наверное, пойду. — Она обернулась на Сашу и махнула рукой. — Пусть тут остается. Ты идешь?

Неля отстранено кивнула и поднялась вместе с Люсей. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь об этом и услышать, что страшные сны никогда не сбудутся, и что с ними все будет хорошо. Ей хотелось, чтобы ее выслушали с пониманием и не стали бы отмахиваться от этого, как от детского каприза. Но с кем об этом поговоришь? Люся считает это ерундой, а Глеб, наверное, рассердится, что она забивает себе голову напрасными тревогами. Может, с Сашей? Уже устраиваясь спать рядом с Люсей, Неля обернулась на него. Он так и похрапывал, сидя на лавке. Стоило попробовать? У него самый мягкий характер из всей группы, он бывает эмоционален как девушка и уж точно слишком добр для того, чтобы смеяться над ее снами.

Решено! Утром она поговорит с Сашей. Возможно, ему тоже нужно поделиться с кем-то своими мыслями.

***

«Утром растолкали, не дав толком выспаться. По крайней мере, нам с Люсей. Остальные не показали никакого неудовольствия. Даже Саша — он вообще, кажется, забыл, что просыпался, и потому очень удивился, обнаружив себя на скамье.

Быстро погрузились на автобус и отправились в Вижай.

Как мы ехали туда — это отдельная песня! Все наши вещи в автобусе громоздились до самого потолка, а ведь вместе с нами еще ехали еще одна группа туристов и три женщины. До сих пор не понимаю, как мы там все уместились.

Мне досталось место рядом с Глебом, и я поначалу не знала, радоваться мне или больше огорчаться из-за этого. Ведь Глеб… после того далекого вечера с неловким вальсом он стал совсем другим рядом со мной. Холодным, как будто враждебным. Я все собиралась поговорить с ним, чтобы мы снова стали добрыми друзьями, но никак не получалось.

Хотя там, в поезде, он был очень чуток и нежен со мной, верно? Но мне могло это привидеться, как этот ужасный сон. Я могла выдумать себе то, что хотела увидеть, и только. В этом вся я.

На очередном ухабе меня подбросило так высоко, что Глебу пришлось схватить меня за плечо, чтобы я никуда не улетела. Я вдруг оказалась очень близко к нему… но встретила лишь те же холодные глаза да сжатые губы.

У Коли Норкина взгляд и то теплее.

Рядом со мной в проходе стоял Вася Постырь, держась за что придется. Но это не мешало ему распевать:

Я бродил среди скал,

Я в снегах замерзал!..

Ребята нестройно, но весело подпевали, подскакивая на ухабах и мотаясь туда-сюда.

Глеб молчал. Я тоже. Петь не было настроения.

А в Бинсае нас ждал сюрприз — показывали картину «Золотая симфония»! Немного поупрашивали Люсю выделить деньги на кино, и в конце концов она все же поддалась обаянию мальчишек. Только Вадика Шакунова да Юру Дорошенко отправили «домовничать» в школу, которую нам выделили под отдых. Честно говоря, я даже почти обрадовалась, что Юра с нами не пошел. В последнее время мне как-то… неловко быть рядом с ним. Надеюсь, скоро пройдет и в целом на нашем походе это никак не отразится.

Фильм был изумительный! Даже на Глеба произвел впечатление, чего я никак не ожидала.

Он сел рядом со мной — специально или случайно так получилось, не знаю. Может, отсюда было просто лучше видно экран. Но мне все равно было приятно. Я украдкой наблюдала за ним и замечала улыбку. Слышала, как он слегка постукивает ногой в такт музыки. Честное слово! Как будто со мной в автобусе ехал совсем другой Глеб, его злой брат-близнец.

Перед нами разместились Рустик с Броней, и к ним подсела Люся. Я думаю, первые двое пожалели, что начхоз была рядом с ними. Она то и дело начинала шушукаться с Броней, теребила его и шептала на ухо, навалившись на его плечо. В конце концов Толя и Рустик не выдержали и отсели от нее подальше. И смешно, и грустно, ведь это все-таки Люся дала деньги на фильм из общей кассы.

Настроение замечательное!

Вернулись в школу. Нам предложили тот класс, что был потеплее. Мы прекрасно разместились, отодвинув всю мебель к стенам, а на полу расстелив палатку. К нам беспрерывно шли гости — всем было интересно, что за туристы к ним приехали, куда мы собрались и как вообще выглядим. Еле нашли время на ужин за всем этим.

После я наконец-то смогла поговорить с Сашей. Конечно, наш разговор нельзя было назвать таким уж тайным: вокруг устроились ребята, кто с чем. Кто-то штопал бахилы, кто-то возился с лыжами, а Рустик опять сидел с блокнотом. Пока мы были в кино, Юра и Вадим сбегали к лесничему за картой, а заодно наслушались местных страшилок. Я и знать не хотела, о чем они, но Рустик решил пополнить нашу базу фольклора и сейчас под диктов-

ку Шакунова что-то чиркал. Надеюсь, он не вздумает рассказать эти истории поздним вечером в лесу!

Я подсела к Саше и, убедившись, что на нас никто не смотрит, тихо спросила:

— Тебе сегодня снились кошмары?

Саша сразу весь сжался, втянул голову в плечи и испуганно покосился на меня. Мы прозвали его Сашей-Машей, потому что он краснеет как девчонка при любом случае. Например, сейчас.

— Ну, допустим, — шепотом ответил он. — Всем снятся кошмары…

— Про наш поход?

У меня сильнее забилось сердце. А если да, то… Это могло что-нибудь значит? Может, это, как оно, знак судьбы? И что делать с этим?

Саша все медлил, обдумывая ответ, и косился на ребят, надеясь, что кто-нибудь спасет его от этого разговора. Мне стало почти жаль его.

— Да, про наш поход, — наконец вздохнул он. — Как будто… Да, в общем, неважно. Не бери в голову, Васенка. Тебе Люська успела нажаловаться, да?

Мы оба обернулись к Коломийцевой. Она сидела рядом с Рустиком, через его плечо читала рассказ в тетради и похихикивала.

— Мне сегодня ночью тоже приснились кошмары, — призналась я Саше. — Словно все ребята замерзли. — Я аж вздрогнула от этого воспоминания. — Тебе что-то подобное?

Южин ничего не сказал. Только часто закивал, не поднимая на меня глаза.

Уже ночь, а мы никак не можем успокоиться. Все болтаем про какую-то ерунду, а потом переходим на обсуждения чувств — наверное, под влиянием фильма. Я поначалу ничего не слышу, слиш-

ком напуганная признанием Саши и своими собственными страхами и предчувствиями. Но потом вдруг понимаю, что говорит Глеб:

— ...да, чувства — это вещь. А что еще может заставить человека так танцевать? Вы видели? «О Джеки, Джом…»

Все смеются, даже сам Глеб. Только я нет. Хотелось серьезно поговорить на эту тему, но разве серьезный разговор в принципе возможен в первом часу ночи с восьмеркой уставших парней? Они только о танцах сейчас и способны болтать. Но я все равно решаю попробовать:

— Да, Глеб, чувства — это вещь! Чувства могут не только сподобить на танец, но и вдохновить на настоящий подвиг. Вот вспомните, как… — я ненадолго задумываюсь, стараясь найти что-нибудь действительно яркое в наших биографиях. На ум быстро приходит лишь одно, и я его высказываю: — Когда меня змея укусила, помните? На Телецком. Но ваша поддержка, ваша стойкость меня спасла. Только настоящие друзья могли так поступить…

Боже, что я несу? Хотела поговорить о высоких чувствах, а сама как пионер что-то вещаю про дружбу и товарищество. Но все слишком уставшие, чтобы придираться к такому. Соглашаются, что-то говорят, вспоминая тот случай, а я делаю еще одну попытку:

— Только настоящие чувства могут сделать из человека иную личность. Спасти его. Направить на истинный путь…

Я замечаю Люсю, которая качает головой, смотря на меня, и не понимает, куда меня несет. Да и все остальные ребята тоже притихают, удивленно наблюдая за мной. И я резко обрываю саму себя, не договорив. До чего же глупо.

Броня громко присвистывает.

— А Васенка дело говорит! Ей впору лекции читать: «Чувства и туризм»! Может, откроешь свою кафедру, а? Отбоя от желающих не будет!

Все снова хохочут и наконец принимаются укладываться, считая, что на этом пора заканчивать. А я едва не поправляю Толю.

«Эту лекцию будут читать Норкин и Люся, и ты напишешь об этом в нашей газете «Ночной Рауп».»

О тех, кто спокоен

— Ребята!

Неля не знала, где она. Она даже не могла сказать, где земля, а где небо. Белизна вокруг ослепляла, сбивала с толку. Васенина теряла равновесие, падала, поднималась снова, а голова кружилась, кружилась, кружилась... Холода Неля не чувствовала, хотя догадывалась, что должна была.

— Кто-нибудь! Ау!

Мелкими, шаркающими шажками она брела вперед, пригибаясь от вьюги. Без лыж и даже без палок — она чувствовала себя почти раздетой, совершенно беспомощной. Но неизвестно откуда в голове пульсировала единственная мысль: где-то здесь есть Глеб, и ей во что бы то ни стало нужно найти его. Он поможет во всем разобраться.

— Ребята! Глеб! Помогите!

Она согнулась в три погибели, чтобы не упасть от ветра. Снег, снег, снег…

Впереди вдруг показался темный плоский камень, уже почти занесенный. Неля направилась к нему как к единственному ориентиру среди этого белоснежного ужаса.

— Ребята! Ау! Вы где?

Ее голос пожирал ветер и вряд ли кто-то мог ее услышать в радиусе метра. Неля добралась до камня, оперлась об него, чтобы выпрямиться, и вдруг поняла, что это не камень. Это чье-то тело.

Одежда уже смерзлась и задубела, человек лежал на боку, лицом в снег. Не успев обдумать, Неля перевернула его на спину.

Светлые волосы. Белые щеки и округлый подбородок. И застывшие серебряные глаза.

— Глеб!..

***

Она проснулась с этим именем на губах. Подскочила на кровати так, что панцирная сетка заскрипела на всю комнату, но Люся рядом все равно не шелохнулась.

Комната в хижине лесорубов пропиталась серой мглой из двух маленьких окошек. В углу трещала и мигала оранжевой щелкой печка. А на полу спали парни, похожие на замерзшие тела…

Неля быстро спустила ноги на пол и на цыпочках пошла мимо ребят, стараясь идти легко, чтобы дощатый пол не скрипел. Места в домике было немного, и мальчишки старались лечь потеснее друг к другу, чтобы было теплее. Неля пробиралась мимо них осторожно, порой случайно задевая ногой чье-нибудь плечо или колено. Но никто не проснулся. Сейчас даже это настораживало еще не отошедшую от кошмара Васенку, но она понимала, что разбудить всю группу, чтобы успокоиться, — далеко не лучший план.

Добравшись до Глеба, она опустилась возле него на колени. Он спал ближе всех к печке, скрестив на груди руки, как будто во сне спорил с кем-то, и уронив голову набок. Нервными, прохладными пальцами Неля потянулась и коснулась его шеи.

Жив!

Только сейчас она смогла выдохнуть и рассердилась на себя за страхи. Какая же она дурочка! Трусиха! Господи, зачем она вообще ходит в походы, если не может совладать с собственными чувствами? Она собиралась встать и уйти, но тут Глеб заворочался и приоткрыл глаза. Несколько раз моргнул, затем разглядел над собой Нелю и резко приподнялся с пола.

— Нель… ты чего?

Его голос, хриплый со сна, его волосы, растрепанные и завивающиеся на макушке. Наконец, его розовые щеки и сонные глаза.

Это все выглядело таким родным, таким трогательным и таким живым, что Неля расплылась в улыбке.

— Мне опять приснился кошмар, — честно ответила она, пододвигаясь к нему. — Словно ты… словно я потеряла тебя. Я так испугалась, Глеб…

Но он уже насупил лоб, и к нему вернулись прежние серьезные черты, словно его лицо начинало постепенно замораживаться, скрывая все эмоции. Ей приснился замерзший Глеб, и наяву ее встречает замерзший Глеб…

— Неля, это все глупости. Иди спать.

А в ту ночь в поезде он так трогательно ее успокоил. Неля опустила глаза и, больше не смотря на него, поднялась на ноги и вернулась к кровати. Легла лицом к Люси и затихла, но глаза закрывать не стала. Услышала, как Глеб поднялся, потянулся, а потом пошел проверять печку. Только когда он снова улегся на пол, она прикрыла глаза, надеясь, что больше не увидит никаких кошмаров.

— Нель?..

Она мелко дернулась от неожиданности, когда почувствовала чье-то прикосновение к плечу.

— Это я, не бойся.

Вася, который спал ближе всех к кровати, подошел к ней и, хотя Неля не видела его, она услышала его успокаивающий голос:

— Опять кошмары мучают? Ты знаешь… лучше не рассказывай о них никому. Тогда точно не сбудутся. Хорошо? Спокойной ночи.

Мягко погладил ее по плечу и исчез, словно всего лишь наваждение между явью и сном.

***

«Встали поздно, и классная комната показалась нам лучшей гостиницей по сравнению с вокзалом. Только Вадик ворчал, что у него была холодная ночевка и без всякой палатки на склоне горы. А вот Броня, которому тоже досталось место на полу, не жаловался, но он вообще никогда не жалуется. Мы с Люсей спали прекрасно, меня даже не мучили кошмары. Надеюсь, больше и не будут.

За завтраком Глеб договорился, что нас довезут до второго Северного на машине. Мы обрадовались, что так быстро нашли попутку, но пришлось долго ждать, когда водитель освободится. Занимали себя переписыванием песен, какими-то глупыми разговорами и штопаньем бахил.

Я впервые за последние дни чувствовала себя спокойно и уверенно, и всем вокруг изрядно от этого досталось.

— Рустик, а ты записал ту песню, ну, про дежурный вальс? Нет? Люся, ты же знаешь слова? Я могу помочь, если не помнишь. Вадя, а ты отправил своей Ляле письмо? Еще нет? Захватишь тогда мою карточку? Спасибо! Коля, ты обещал помочь разобраться с выдержкой и диафрагмой, помнишь? Нет, я просто спросила, не злись. Вась, а ты уже бывал в зимних походах высшей категории?

Я забыла про Норкина и его фотоаппарат и смотрела на Постыря, подперев щеку рукой. До чего же замечательная группа у нас собралась в этот раз! С такими ребятами не то что на Урал — на Северный Полюс идти не страшно.

— Э, нет. Только «двойки». — Вася с хитрой улыбкой окинул остальных ребят взглядом. — А что, у вас уже все ходили?

— Только Глеб, — с благоговением ответил Саша Южин. — Правда, как участник, не руководил.

Все взоры обратились к Глебу, но он горбился над картами и не обращал ни на кого внимания.

— Я руководил в зимнем походе второй категории, — снова заговорил Вася, — так что не бойтесь, обузой не буду.

— Дык, мы с Васенкой тоже, — обрадовался Броня. — Она вообще больше всех нас (ну, кроме Сосновского, естественно) уже была командиром группы, а ведь по ней не скажешь, а?

Юра Дорошенко в кулак взял мою руку и шутливо поднял ее в знак победы. Я улыбалась, и мне хотелось, чтобы Глеб увидел, как мы тут болтаем, обсуждаем походы, даже без его участия, раз он такой бука. Но он не видел и не слышал. А может, только притворялся.

Во время поездки в кузове машины здорово намерзлись, но пытались петь и болтать. Разговор о счастье не особо клеился, и поэтому мы вдруг незаметно перешли на тему раковых заболеваний. Всем было интересно поделиться своим мнением на этот счет, и больше всех болтал Вадик. Пытался объяснить принцип заболевания на химическом языке, чуть ли не целую схему начертил в блокноте, чтобы нам стало понятнее.

Только Броня помалкивал всю дорогу, что на него не походило. Отчего?..

Чтобы окончательно не окоченеть, мы сбились в кучу, но нас все равно запорошило снегом. А потом по правой стороне дороги потянулся лес. Горелый.

Черные, корявые стволы выглядели особенно жутко среди белоснежного покрова, и мне казалось, что от них до сих пор тянулся дым. Что тут произошло? Я невольно ближе прижалась к Люсе и отвернулась в другую сторону. Внутри зародилось что-то нехорошее, как будто мои кошмары и этот жуткий лес произошли из одного места, и опасность становилась яснее, реальнее, так и тянула к нам лапы…

Довезли нас не до Северного, а лишь до сорок первого поселка. Высадили и предложили разместиться на ночь в домике, где жили лесорубы. А что еще нам оставалось делать?

Рабочие нас встретили хорошо. В основном мужчины, много молодых, а женщин я видела всего двух. Тут многие трудятся на рудниках и в лесу тоже занимаются всяким промыслом — в общем, настоящие работяги! Узнав о нашем приезде, в домик набилась целая толпа народу, и мы быстро со всеми перезнакомились.

К нашему удивлению, некоторые из рабочих узнали Васю Постыря, и он обменялся с ними крепкими рукопожатиями, как старый, добрый друг. Стало интересно, как и когда он мог встречаться с этими ребятами ранее, но Постырь взял сигары и с тремя рабочими вышел на улицу. Все еще не вернулся.

А сколько новых песен мы тут узнали! Рустик брякает на мандолине, заучивая мелодии, а Люська переписывает тексты. Ну, как «переписывает»: строчку напишет, а потом начинает переглядываться с парнями. Затем еще строчку и снова поднимает голову, улыбается, хлопает ресницами. Когда я ее кольнула по этому поводу, она рассмеялась и то ли в шутку то ли всерьез призналась, что ей понравился здесь один, Валька. Чудная.

Вадим и Глеб разговаривают с одним лесорубом — Борода, как его тут называют. Он совсем немного старше нас, но борода у него, что правда то правда, просто шикарна. Я наблюдаю за ним на расстоянии и даже в его движениях, в его говоре чувствуются опыт и сила. Но с нашими ребятами он общается на равных, не смеется над дерзким планом покорить уральские горы и не пытается отговорить. Пальцем показывает на разные точки на карте, и Глеб делает к ним приписки. Он такой педантичный, такой аккуратный, что иногда даже злость берет. Зачем тебе все эти записи,

мой милый Глеб? Зачем все эти примечания, списки и схемы, если они никогда не понадобятся?

Броня рядом со мной корпит над групповым дневником. Он до сих пор простить не может, что его выбрали вундервудом и время от времени что-то недовольно бурчит себе под нос. Аж страшно подумать, что он там написал про нас!

Коля Норкин слинял на улицу. Пошел к Васе? И что ему в тепле не сидится, пока есть возможность?..

О тех, кто недоговаривает

— Неля.

Она с улыбкой обернулась. За спиной стоял Саша Южин и виновато хлопал длинными ресницами. Других ребят не было видно.

— Пойдем со мной, — почему-то шепотом предложил он и кивнул себе за спину. Там была не то автобусная остановка, не то здание вокзала, а, может, вообще аэропорт. — Ты же хочешь этого. Уйдем? Вместе.

Неля подошла к нему, продолжая улыбаться. До чего забавный иногда этот Сашенька-Машенька! О чем он говорит ей?

— Куда? Зачем? Мы же на гору собрались, забыл?

Она оглядывается в поисках остальных ребят, но вокруг больше никого. Только она и Саша.

— Неля, — он мягко взял ее за руку, — пойдем. Ты же сама боишься туда идти.

Она замерла. Боялась? Конечно. Особенно после всех этих жутких снов. Но Глеб и остальные ребята не должны об этом узнать. Она — турист, верный товарищ, но никак не трусиха, изнеженная домашняя девочка наподобие жены Шакунова. И она будет доказывать это снова и снова.

— Васенка, — мягче повторил Саша, не выпуская ее руку, — ты умрешь вместе с ними, если уйдешь.

***

Утром туристы едва продрали глаза — сказалась почти бессонная ночь, проведенная в разговорах с новыми знакомыми, песнях и танцах. Только один Вася, который предусмотрительно ушел спать пораньше, выглядел свежее остальных и теперь поглядывал на ребят с усмешкой и помогал собираться, чтобы они ничего не забыли.

Но им повезло! В заброшенный поселок из сорок первого ехал местный старичок, как его называли лесорубы, Деда Слава. Он милостиво согласился подбросить рюкзаки путешественников до поселка, а заодно и проводить их туда. Правда, не обошлось и без старческих оханий: «И куда вас только несет в такую глушь, чего не сидится в тепле дома?..»

Вышли только после обеда, долго прощаясь и фотографируясь с рабочими. Обменялись адресами с Бородой, пообещав выслать ему фотокарточки. Только Постырь старался держаться в стороне и почти ни с кем не разговаривал. Люся же долго крутилась вокруг Вальки, но так и не решилась попрощаться с ним в индивидуальном порядке.

Следом за Дедом Славой ребята двинулись по заметенной лыжне, радуясь, что все еще идут без рюкзаков. Деревенская лошадка шла медленно, и группа успевала по дороге фотографироваться, дурачиться и валять друг друга в снегу. От утренней усталости и сонливости не осталось и следа, и они чувствовали, что готовы идти так до самой ночи.

Во всеобщее веселье не вмешивались лишь Коля Норкин, который с самого утра был не в настроении, и Саша. Южин вообще сегодня был особенно тихим и ковылял позади всех, отставая и с трудом догоняя ребят, но на это никто не обращал внимания.

Кроме Норкина.

На очередной остановке, когда Рустик взялся учить Нелю фотографировать, Вадим счищал снег с лыж, а Толя вздумал залезть на елку за шишками, Коля подошел к Глебу. Их начальник хоть и веселился и смеялся вместе со всеми, но при этом держал лицо и умудрялся незаметно руководить группой даже сейчас.

— Что-то Сашка отстает, — пояснил Коля. — Вон еще где только мотыляется.

Глеб обернулся и приставил руку «козырьком», высматривая друга. Южин пыхтел в паре десятков метров от остановки друзей, неуклюже наваливаясь на лыжные палки.

Сосновский сердито зажевал губу, больше злясь на самого себя, что не заметил этого раньше, а затем кивнул Коле.

— Собери всех и идите дальше. Мы вас догоним на следующем привале.

Оставив Норкина и остальных позади, он быстро подъехал к Южину. Тот, казалось, испугался, что Глеб обратил на него внимание.

— Саш, что с тобой?

Он остановился и поднял голову, грустно хлопая длинными ресницами. Щеки покрыл нездоровый румянец от напряженной дороги, дыхание со свистом выходило из груди.

— Нога что-то ноет, — буркнул он сквозь зубы. — Наверное, пока в машине ехали продуло. Но скоро должно пройти, — поспешно добавил он, увидев, как Глеб нахмурился. — У меня такое уже было… в прошлом году. Помнишь?

Глеб обернулся на ребят, но уже никого не было видно. Норкин увел их дальше за санями дедушки. Даже Неля отправилась вслед за ним, не став дожидаться руководителя.

— Сильно не напрягайся, — смягчился он, увидев, как переживает друг. — Езжай потихоньку, я с тобой останусь. Так и догоним остальных.

— А не потеряют?

— Не потеряют. Я Кольку предупредил. Давай за мной, тебе так легче будет.

Саша попытался ускорить темп, чтобы совсем не уронить лицо в глазах Глеба. Ему было досадно, что он так подводит его, да и всю группу тоже. Но что поделаешь? Он не мог продолжить путь,

никак не мог. И его тело становилось слабым и больным от осознания этой мысли.

— Глеб?

— А?

— Васенка тебе не говорила, что ей кошмары снились?

Сосновский обернулся к нему, и Саша почти остановился от неожиданности. Глеб тоже притормозил. В одно мгновенье тишины отчетливо прозвучал смех ребят, как будто где-то совсем рядом, и тут же все стихло.

— Она тебе рассказывала? — отрывисто спросил Глеб. — Что ей снились кошмары про наш поход?

— Ну да, было такое.

— А ты?

— Что я?

Глеб не выдержал и полностью развернулся к Южину, сметя всю лыжню вокруг себя.

— Ты, наверное, тоже поделился с ней своими тревогами и снами? — с нажимом переспросил он. — Вот она и напугалась.

Саша сам испугался такого обвинения.

— Да нет, что ты! Я ничего ей не рассказывал, она сама ко мне пришла! Я бы никогда ее пугать не стал — зачем?

Но Глеб все равно еще некоторое время постоял, насупив лоб, а потом резко развернулся и пошел дальше, сердито втыкая палки в рыхлый снег.

— Не отставай. Надо ребят нагнать.

***

«Ну что ж, рано мы радовались.

Расслабились, называется, — до поселка нас довез дедушка из поселка. Не самих нас, конечно, но наши рюкзаки, к которым мы

пока еще не успели как следует привыкнуть и полюбить их тяжесть.

Дорога прошла весело. Толька, наверное, истратил всю пленку, делая снимки. Особенно отличился Вася, который то просил меня и Люсю позировать вместе с ним, то брал у Рустика мандолину, то примерял на себя ушанку Юры. Как еще только на лыжи Глеба не встал.

До второго Северного мы добрались уже в потемках, еле нашли избушку для ночлега. Признаться, к этому времени мы уже все вымотались, пусть и шли без рюкзаков. Мы с Люськой с тоской вспоминаем о кровати с панцирной сеткой и рукомойнике в доме, а мальчишки выражают свою усталость более грубо — спорят друг с другом да и еще пытаются острить.

— Неля, — говорит мне Вадя, — попробуй вместо того, чтобы в тетрадки строчить взять иголку да зашить пару бахил. А то, знаешь, листками из блокнота нам ботинки не обернуть.

Я стараюсь не злиться и не обижаться. Понимаю, что он просто устал, потому что большую часть пути шел направляющим, и у него сейчас, наверное, ноги как пудовые. Но ничего не могу поделать с собой — краснею от обиды и еще ниже склоняюсь над дневником, не отвечая ему. За меня заступается Люся:

— Вот противный флегматик! Сам бы взял иглу да зашил что тебе надо! Нет же, нужно все свалить на девушек! У нас равноправие или как?

— Или как, — встревает Коля Норкин.

Он с Рустиком только-только зашел с улицы, притащив доски для растопки печки, а уже спешит вставить свое слово. Мне хочется зажать руками уши, потому что я представляю, какой спор тут сейчас развернется.

— Скажешь, что вам не нужно было рюки разгружать? — продолжает Коля, смотря на маленькую Люську сверху вниз. — Согласна все сорок кило на себе тащить?

— И согласна! Давай, перекладывай весь лишний груз из своего рюка в мой, я с радостью потащу его на себе! Сама!

Я не выдерживаю, беру дневник и ухожу на улицу. Здесь луна и белый снег, и при желании еще можно что-нибудь увидеть. Только устраиваюсь поудобнее, как вижу Глеба. Он тоже ходил за дровами и теперь тащит их, немного вытянув руки, чтобы доски не опирались на грудь. Неудобно ведь так...

Он кивает мне по дороге и заходит в избушку. Пойти за ним? Мальчишки должны скоро успокоиться и снова подобреть. К тому же я бросила там бедную Люську. Нет, надо вернуться.

Но едва я закрываю дневник, как дверь снова открывается и показывается Глеб. Присаживается рядом со мной и спрашивает:

— Ты что тут, не замерзнешь?

Я улыбаюсь и протягиваю ему руки, а он осторожно берет их, складывая в свои ладони. Кожа у него твердая, мозолистая — настоящие руки туриста, который привык держать лыжные палки, топор, раскладывать палатку и таскать валежник. На Кавказе два года назад неуклюжий Броня подпалил нашу палатку. Пока Юра и Вадик не подбежали с водой и песком, Глеб голыми руками хлопал по огню, чтобы сбить его. Вот такой он турист.

Прижимаю ладони к его и вдруг чувствую что-то не то.

— Ой, ты что? Это царапина?

Я быстро поворачиваю его кисти тыльной стороной вниз, отгибая пальцы. На твердых ладонях свежие раны, и я неосознанно ахаю.

— Да ерунда, — он сжимает руки в кулаки и прячет их под мышками. — Расковырял гвоздем, пока тащил доски. Это же все

из старого забора, нам пришлось его доломать, чтобы было чем топить.

У Саши Южина аптечка, нужно будет найти бинты и йод. Я не говорю это вслух, но себе мысленно отмечаю обязательно подлечить руки Глеба, даже если он начнет возражать. А то как же он лыжные палки будет держать? И не только он. Кто там еще ломал этот забор?..

— Поговорить нужно, — коротко и серьезно говорит Глеб, заглянув мне в глаза, и я отвлекаюсь от насущных забот. — Как руководитель группы, я должен следить за порядком. Не допускать разногласий и паники среди людей…

Наверняка он имеет в виду, чтобы мы не огрызались друг на друга и не обижались. Но в первую очередь ему стоило поговорить об этом с мальчишками, а не со мной!

— ...поэтому чтобы больше никаких разговоров об этих дурацких кошмарах и предчувствий, — серьезно закончил он и снова посмотрел мне в глаза. Я только сейчас поняла, что он все это время говорил о другом. — Ну, это же просто смешно, Нель. Комсомольцы, атеисты и верите в вещие сны! В общем, чтобы больше я об этом не слышал, понятно?

Хуже холодного, равнодушного Глеба может быть только командующий Глеб. Который отдает тебе приказы, как солдату. Во что верить. О чем думать. Какие сны видеть. Который думает, что страх можно выключить, как приемник.

— Я поняла, — киваю я, потому что он сидит и ждет мой ответ. — Хорошо. Спокойной ночи, Глеб.

Больше не смотря на него, я быстро поднимаюсь и возвращаюсь в дом. Нос противно закладывает, и в груди легкие сжимаются, не давая сделать ни нормальный вдох, ни нормальный выдох.

В избушке уже намного тише. Я нахожу взглядом Люсю: сердито перетряхивает одеяла, устраивая постель. К ней сейчас лучше близко не подходить, стоит подождать, пока остынет. Все остальные тоже укладываются спать, и только из одного угла все слышатся какие-то возражения и споры. Оглядываюсь и вижу Васю и Юру.

Я так удивляюсь, что эти двое добродушных здоровяка о чем-то вполголоса ругаются, что забываю про Глеба и его расцарапанные руки, про злую Люську и свои кошмары. Подхожу к ребятам, пытаясь понять, что случилось.

— ...сроду там не пройдем, это опасно. Вот Глеб…

— Если пойдем, как хочет Сосновский, то ни в какие сроки не уложимся, понимаешь?

Юра поднимает глаза и замечает меня. Закрывает рот, передумав отвечать, и Вася тоже оборачивается. Мне становится почти неудобно, что я влезаю в их разговор, но с другой стороны — почему они что-то обсуждают за спиной Глеба? Почему Вася не выскажет ему в лицо свое несогласие или что там у него?

— О чем ругаетесь, мальчики? — весело спрашиваю я, не показывая своей растерянности.

Они тоже улыбаются, и нам всем сразу становится легче.

— Да разве ж мы ругаемся? — отмахивается Дорошенко. — Просто обсуждаем, как нам лучше идти — по реке, как предлагает Василий, или в обход, как говорил Глеб.

— И потеряем из-за этого день, если не больше, — упрямо поддакивает Постырь, складывая на груди руки.

Я оборачиваюсь на дверь, которую уже еле видно в потемках. Глеб так и не вернулся. Сидит и мерзнет на крыльце.

— Я думаю, Глеб все просчитал и знает, как лучше, — признаюсь я.

И неожиданно оказываю этим Дорошенко услугу.

— Вот и я о том же, — радуется он. — Васенка тоже опытный турист, она в этом разбирается. Так что эксперименты оставим на другое время.

Вася хмурится, но зла на нас держать не стал. Желает спокойной ночи и отправляется раздобыть воды для умывания. Я не успеваю уйти, чтобы подготовить постель себе, как Юра снова начинает говорить:

— Уж лучше потерять день пути, чем провалиться под лед. Верно, Васенка? Пустить пыль в глаза нам вздумал: да я в каких только походах не бывал, и по горам и по рекам ходил, а вы тут все как дети малые!..

Я сомневаюсь, что Вася сказал именно так, но не спорю.

— Я тоже пойду спать. Завтра тяжелый день. Спокойной ночи, Юр.

Прежде чем я ухожу, он слегка касается моего локтя и, смотря прямо в глаза, отвечает:

— И тебе добрых снов, Васенка.

Я быстро ухожу от него, радуясь, что в избушке уже полумрак, и он не заметил, как у меня порозовели щеки.

Пожелание Дорошенко не сработало: мне приснился не то, чтобы кошмар, но какой-то непонятный и неприятный сон. И проснулась я позже всех.

Солнце уже всходит над лесом, и рассеивает матовый, морозный туман. Так не хочется вставать с нагретого места у стены, рядом с печкой, но ребята ходят по всей избушке, громко разговаривают. Что-то брякает, перекатывается, а на улице ржет лошадь.

А когда я поднимаюсь, то узнаю, что Саша Южин с нами дальше не идет.»

О тех, кто остается

Пока парни распределяли по рюкзакам вещи Южина, он стоял рядом с девочками и смущенно молчал, часто хлопая ресницами. Глеб передал, что у него разболелась нога, и ему будет трудно идти дальше, и ребята помалкивали, не затрагивая эту тему, ни о чем не спрашивая. Саша был благодарен им за это, но все равно чувствовал себя предателем.

— Обязательно покажись врачу, как доберешься до города, — это Люся отдавала последние инструкции, но сама смотрела на Сашу грустно-грустно. Не ругалась и не командовала. — И не расстраивайся! Ты же не виноват.

Он кивнул, не поднимая на нее глаз. Люся помедлила, а затем крепко обняла его, прижавшись щекой.

— Поправляйся скорее, — проскулила она и быстро отпустила его.

Неля тоже подошла к Саше и дружески взяла под руку.

— Мы сделаем кучу фотографий и будем подробно вести дневник… — она пыталась говорить бодро и уверенно, но у самой с утра душа была не на месте.

В том, что Саша уходит, виделось что-то определенно неправильное, нехорошее. Как будто с его уходом в их группе появится трещинка. А долго ли будет ее расшатать, так, что все разобьется вдребезги? Неле бы хотелось поговорить с Южиным, с глазу на глаз, и точно выяснить, почему он уходит. И, может, им всем стоит последовать его примеру?..

— Васенка, нам пора, — вздохнула Люся, подергивая рюкзак. — Пока, Саш!

Неля улыбнулась Южину и уже собиралась пойти следом за Люськой, как Саша вдруг схватил ее за руку. В его глазах стояли слезы.

— Да будет тебе! Мы скоро вернемся и…

— Неля, — просипел Южин, — пожалуйста… — Он тяжело сглотнул, его губы вздрогнули, и он опустил взгляд. — Будьте осторожны.

Неле показалось, будто за этими словами пряталось что-то другое, и Саша хотел сказать совсем не это. Но ей стало страшно переспрашивать. Страшно от того, что этот, настоящий Саша-Маша превращался в Южина из ее последнего сна.

— Ну, что вы там? — крикнул им Глеб, уже уведя группу вперед. — Давайте скорее! Южин, передай, что контрольный срок переносится на два дня! Понял? На! Два! Дня! Не болей!

Саша сразу отпустил Нелю, отстранился и поднял руку, показывая Глебу, что все понял. Неля поспешила догнать ребят, чтобы Саша еще чего-нибудь ей не сказал. Чтобы не успел схватить. Остановить. Отговорить идти дальше.

Она чувствовала его взгляд в спину до тех пор, пока они не свернули в лес.

Группа не успела далеко отойти от поселка. Лыжня охотников закончилась, и перед путешественниками раскинулись нетронутые, белоснежные сугробы. Скорость быстро снизилась, движение застопорилось, и, хотя никто не признавал вслух, но все подумали о том, какой роскошью было вчера идти по проложенной санями лыжне, скинув рюкзаки в полозья.

И тут на сцену вышел местный изобретатель Вадим Шакунов.

Пока все переводили дух на привале, он выступил со своей идеей непрерывного проложения лыжни. Головной скидывает рюкзак, торит лыжню, а затем отдыхает, пока остальная группа

идет дальше. На словах: увеличение скорости, уменьшение нагрузки, «даешь недельный план за три дня», а на деле…

Второму за первопроходцем было ужасно тяжело идти. Ребята проваливались в снег по колено, рюкзак тянул назад, и это была сплошная мука, а не «увеличение скорости и уменьшение усталости». К тому же снег толстым слоем налипал на лыжи и приходилось часто останавливаться, чтобы счищать его.

Только около пяти часов ребята добрались до берега Северной Точи, где было решено устроить привал. Вымотанные, уставшие туристы отдыхали на рюкзаках и мысленно костерили на чем свет стоит Вадима и его «гениальные» идеи. Сам новатор, впрочем, не жаловался и самоотверженно помогал девочкам с готовкой.

Обед наступил лишь полшестого вечера.

***

«Как же болят мои ноги! А все из-за Шакунова! Если бы ему в голову не ударила эта ужасная идея, то мы шли и шли бы себе как раньше. Подумаешь, прошли бы на километр меньше!

Хотя, хватит мне ворчать, пусть лишь и на страницах дневника. Наверное, я просто злюсь, потому что расстроена, что Саша Южин с нами дальше не пошел. У него разболелась нога. Так он сказал. Нет, я конечно ему верю…

Фуф, только сейчас смогла отвязаться от Юры Дорошенко. Сейчас распишу подробнее.

После обеда кто-то из мальчишек принялся устанавливать печку в палатку, Постырь и Люся пришивали полог из простыни. Броня дорисовывал кроки на карте, которые набросал по дороге, сидя неподалеку от меня. Я услышала, как Глеб ругался и ворчал за что-то на Колю, а затем мимоходом прошелся и по Рустику. Уверена, он не со зла. Наверное, тоже расстроился из-за Сашки, вот и сорвался на ребят.

Я как раз собиралась присоединиться к Люсе, но тут ко мне подсел Юра.

— Что делаешь?

Я кивнула на подругу, а сама поспешно убирала дневник.

— Сейчас пойду Люське помогать.

Мне отчего-то не хотелось оставаться с ним наедине, так что я даже обрадовалась возможности уйти. Это… сложно описать, потом, когда будет время, я постараюсь разобраться в этих чувствах подробнее. Не сейчас.

Юра едва слышно усмехнулся, и я обернулась на него.

— Что?

— Да просто думаю, поместишься ли ты там с ними, — с легкой улыбкой ответил он, посмотрев мне в глаза.

Я отвернулась и увидела, что возле Люси и Васи уже оказались Норкин с Шакуновым, и теперь они все вчетвером толпились у палатки, в разные стороны дергая несчастный полог и давая друг другу советы, какой стороной следует пришивать. Мамочки, с таким запалом они нам вовсе палатку сошьют в один здоровый мешок и придется ночевать на улице!

— Ты прав! — засмеялась я. — Кажись, буду там уже лишней.

Я резко замолчала, осознав, что мы все-таки остались вдвоем. Глеб с Рустиком ушел за лапником, Броня уже не чертил, а смотрел на нашу четверку и со своего места выкрикивал им ненужные советы. Мы с Юрой одни сидели перед костром и смотрели на пламя.

— П-послушай, — снова заговорил Дорошенко, но уже тише, почти осторожно, — может, когда вернемся из похода, как-нибудь в кино вместе сходим? Я в Свердловске еще неделю, может, две буду. Останется время на прогулки. Если ты не против.

Я медленно набрала в грудь прохладный, влажный воздух, отчаянно думая, что сказать на это. Мне нравится Юра, но как друг, товарищ. Я не могла представить, как мы бы вместе пошли в кино, такое… Хотя, честно признаться, и мне и Глеба в такой роли вообразить было сложно.

Рядом со мной плюхнулась Люся и швырнула в костер палку. От неожиданности я сдавленно охнула и обернулась к ней. Но не успела открыть рот, чтобы спросить, как Коломийцева сама затараторила без остановки:

— Нет, ну ты представляешь, представляешь? У меня просто нет слов от возмущения! Начал мне указывать, как шить следует! «Кто тебя учил такие стежки здоровые делать, коровам заплатки пришивала?» Я из-за него палец себе проколола!

От обиды у Люси в глазах стояли слезы. Но я в душе ликовала — сама того не зная, она спасла меня от неловких объяснений с Дорошенко! Он сразу отодвинулся от нас подальше и теперь помалкивал, а я могла сделать вид, будто ничего и не было. Вот только долго ли я смогу так прятаться от него? Ох…

Я посмотрела на троих парней, который продолжали копошиться возле палатки. К ним на подмогу направлялся Броня, но, сдается мне, от него проку будет мало.

Я сочувственно приобняла Люсю за плечи, но она сердито насупилась, смотря в костер.

— Брось дуться! Ты же их знаешь — мальчишкам лишь бы посмеяться. Я уверена, они не хотели тебя обидеть всерьез…

Люся что-то неслышно буркнула и пнула в костер снег. Я склонилась к ней поближе.

— А?

— Говорю, Норкину только это и надо.

Я вздохнула и перевел взгляд на курчавого парня. Что есть, то есть. В отличие от нас Коле требуется время, чтобы оттаять. Он не может так сразу включиться в поход, забыть о семье, об учебе, обо всех проблемах и просто наслаждаться жизнью, хоть какое-то время. Он похож на глыбу льда. Оставляешь такую на солнцепеке, но все равно нужно долго ждать, прежде чем весь лед растает, обнажив спрятанные внутри себя нежные цветы, оставшиеся с прошлого похода.

Я не знала, сколько ребятам было известно об этом — все словно бы привыкали к колючему и злому Норкину и даже не придавали значения, если он таким оставался. Наверное, из-за этого он предпочитал и сам не открывать свои чувства. Куску льда все равно, ругают его или пинают. Вот и ему было так проще. А нам?

После ужина мы никак не могли разойтись и еще долго сидели вокруг костра. Рустик достал мандолину, и я напросилась на урок музыки. Ребята посмеивались, наблюдая за моими неуклюжими попытками, а Слободин терпеливо и серьезно, как настоящий учитель, показывал мне, как правильно зажимать струны, хотя в таком полумраке уже почти ничего не было видно.

Мы спели несколько песен, которые все хорошо знали и которые по традиции поем в каждом походе. Затем Люся вспомнила про «Листья», но на беду Рустик не знал, как ее играть.

Мы уже думали, что придется обойтись без нее, как мандолину попросил Вася Постырь.

— А я знаю «Листья», — заявил он. — Хорошая песня, хотя, на мой взгляд, грустная для такого вечера. Ну что, Люсь, запевай!

«Листья пожелтевшие,промокшие,падают кружатся предо мной…»

Сразу вспоминается поход по Южному Уралу, когда мы ходили летом два три года назад. Из нынешней группы там были только

мы с Глебом и другие ребята: Нинка, Люба Соколова… Тогда я и узнала про эту песню, Колька Трегубов сказал, что она «с зоны», но она такая трогательная и нежная… Потом уже у меня ее переписала Люся.

«...я люблю глаза твои печальные. В них порой застывшую слезу…»

Ловлю на себе прямой взгляд Юры и даже сбиваюсь с ритма. Отчего так?

Едва мы заканчиваем петь, как Шакунов громко вздыхает. Я решила было, что он вспомнил о своей молодой жене, но не тут-то было.

— Девчата, вы хотите, чтобы мы рыдали тут, в самом начале похода? — серьезно спрашивает он нас с Люсей. — Мало нам того, что Сашка ушел, так еще сейчас будем грустить? Вот что, предлагаю с песнями на сегодня закончить. Давайте лучше обсудим. — Мгновенье, и в его руке появляется злополучный блокнот с чертежами. — Вот, послушайте, что я решил сделать из запасных лыж…

Броня громко хлопает ладонью по бревну, и сидящий рядом с ним Вася даже подскакивает от неожиданности.

— А как вы думаете, — поспешно голосит он, — правда, что говорят «от ненависти до любви один шаг»?

Мы покатываемся от смеха над тем, как беспардонно он перекрикнул Вадика, а горе-изобретатель лишь что-то недовольно бурчит и убирает свой блокнот. Мы смеемся, но между тем все же решаем поддержать этот разговор — тема-то интересная! Дорошенко первым прочищает горло.

— Я думаю, что нет, — его взгляд как всегда честен и спокоен. — Любовь и ненависть это противоположности, как разные полюса. Как до них может быть всего лишь один шаг?

— Юрка как всегда всё принимает слишком прямо, — комментирует Броня и наклоняет голову, чтобы скрыть смех.

Люся рядом со мной выпрямляется, со свистом набирает полную грудь воздуха, и я понимаю, что нас ждет настоящая лекция…

— А я согласна с Юрой! — у нее тоже взгляд прямой и злой. И направлен на Колю, который сидит напротив нас. — Либо любишь, либо ненавидишь. И чтобы дойти от первого до второго, — она специально растягивает гласные, показывая, как далеки друг от друга эти понятия, — должны пройти столетия — люди столько не живут. А выражение глупое, его, наверное, какой-нибудь дурак придумал, теша себя надеждой.

Люся не замечает, как ребята вокруг едва сдерживаются от смеха, и даже Вадя, забыв все обиды, отворачивается и его плечо слегка дрожит от беззвучного смеха. Я встречаюсь взглядом с Глебом и вижу в его глазах задорные искры. Но смеяться — такое не к лицу руководителю группы, поэтому это большее, что я могу увидеть.

Норкин медленно аплодирует, смотря на Люсю, но тоже улыбается. Правда, не так искренне, как все остальные, мне кажется.

— Браво. Люсия, ты это запиши на всякий случай, потом еще аудитории будешь собирать. У кого есть бумага и карандаш? Никто не успел застенографировать? Эх, такую мудрость упустили! Люсь, ну ты в следующий раз-то не оплошай.

Я боюсь, что еще немного, и Люся швырнет в него горящей палкой и решаю разрядить обстановку:

— И почему вы такие буки? — я стараюсь обращаться ко всем ребятам одновременно, но мои слова задевают только Дорошенко. — Я буду оптимисткой и скажу, что от ненависти до любви меньше шага! Помните, в прошлом году на Саянах, с нами была местная собака? Ну, она еще белок гонять была обучена. Так вот, по-

мните, кто ворчал и ругался на нее всю дорогу? — Глеб усмехается, смотря на меня. — Наш руководитель говорил, что из этой собаки охотник как из Славки Хализова балерина. А в конце похода ей чуть ли не весь свой дневной паек скормил! Разве это не доказательство?

Ребята смеются, вспоминают другие детали этого и других походов, но тактично молчат, что в том приключении Люсе прострелило ногу. Такая нелепая, страшная случайность, я до сих пор с содроганием вспоминаю тот день, и меня это тревожит куда сильнее, чем история со змеей. Да и вообще, по правде говоря, это был далеко не самый удачный наш поход. Как будто мало нам было своих бед, так еще стали свидетелями, как в водном пороге Кызыри разбился турист из Москвы. Страшно вспомнить…

Я нечаянно подумала об этом, погрустнела и, наверное, потому замечаю, что Люся так и не подключилась к беседе ребят. Молча сидит рядом, смотрит на огонь и покусывает проколотый палец.»

О тех, кто обижается

Неля несколько раз просыпалась за эту ночь. Поначалу ее будил каждый шорох ворочающихся ребят, затем, едва она забылась, как подскочила от шагов возле палатки. Замерев от страха, она прислушивалась к хрусту снега и сучьев под чьим-то размеренным шагом. Будто кто-то осматривал их палатку и решал, с какой стороны будет лучше подобраться. Чужак здесь, прямо в их лагере? А может, медведь? Не в силах больше это терпеть, Неля развернулась и принялась безжалостно расталкивать Люську.

Она предусмотрительно зажала ладонью рот подруге, чтобы она не выдала их своими раздраженными восклицаниями. Показала глазами на стену палатки, за которой кто-то ходил, и опустила руку только когда увидела, что Люся поняла, что она имеет в виду. Но на всякий случай еще нагнулась и едва слышно прошептала:

— Там кто-то есть!

Люся серьезно кивнула, обвела взглядом ребят, проверяя, мог ли еще кто-нибудь это услышать, затем приподнялась на локтях и тоже тихо сказала Неле:

— Это Вадик.

Она повалилась спать на свое место и погромче буркнула:

— Дежурный.

Неля не сразу смогла перевести дух и уложить у себя в голове то, что она испугалась шагов Вадика. Вадика, который дежурил у костра и бродил вокруг палатки. Вот же дурочка! Навыдумывал себе невесть что, потому что уже почти неделю каждую ночь видит дурацкие, пугающие сны о том, как их группа погибает или теряется. Да кому угодно после такого привиделись бы всякие ужасы!

Хотя, с кем угодно такого бы не случилось — грустно вздохнула она про себя. Невозможно было вообразить, чтобы Глеб придавал большое значение кошмарным снам, или Норкин, или даже Броня. Наверное, только она да Саша Южин могут обращать внимание на такую ерунду. Ну а всерьез бояться этой ерунды и чего-то ждать от нее способна лишь одна Неля.

Поняв, что уснуть она сможет еще нескоро, она осторожно поднялась, подобрала свою штормовку и выскользнула из палатки.

На улице подвывал ветер, скрипели деревья. Костер был небольшим, возле него сидел Вадим и возился с какими-то палками.

— О, Васенка. Пришла составить мне компанию?

Она обошла костер и села рядом с Шакуновым. От костра приятно пахло хвоей и можжевельником, и Неля протянула голые пальцы к колышущемуся огоньку.

— Не спится, — призналась она, не смотря на Вадима.

— Бывает, — согласился он. — У меня тоже сна ни в одном глазу, так что даже…

Неля перевела на него взгляд и увидела, что Шакунов так и застыл с открытым ртом, уставившись на небо.

— Смотри!

Неля глянула и потеряла дар речи.

По бездонному ночному небу, среди вершин сосен медленно плыли три сияющих шара. Один чуть впереди, два других позади. Белоснежные, как луны, и такие же сияющие.

Пока Неля смотрела, Вадим успел сбегать до палатки и перебудить группу. Через несколько секунд все стояли возле костра и наблюдали это уникальное явление. Шары не пропадали, не меняли свой курс и не стали понятнее.

Коля не сразу сообразил и запоздало убежал за фотоаппаратом. Но когда он вернулся и настроил объектив на небо, странные огни погасли. Ни следа, ни единого огонька от них не осталось.

— У, черт! — выругался он, но все равно был под большим впечатлением, чтобы всерьез злиться.

— Что это было? — Васенка встала рядом с Глебом, продолжая посматривать на небо.

Сосновский молча глянул на нее и снова перевел взгляд наверх. И тогда ответил Юра:

— Скорее всего, испытание.

— Испытание чего? — насторожилась Люська.

— Да чего угодно, — сипло продолжил Дорошенко. — Оружия. Ракеты. Здесь же ненаселенка. Свидетелей не бывает.

Неле стало не по себе от этого ответа, и она пододвинулась к Глебу, прижавшись к его боку. Он не отошел от нее.

— А если это не испытание? — негромко возразил Вася Постырь, по-прежнему смотря наверх. — Если это что-то… не с этой планеты?

Никто не засмеялся. Туристы продолжали толпиться возле палатки, и Васенка только сейчас обратила внимание, что никто не успел накинуть на себя верхнюю одежду. Глеб рядом с ней стоял в одном свитере, и от его теплого дыхания вверх поднимались белые клубы пара. Он и подвел итог всему происходящему:

— Что бы это ни было на самом деле — об этом лучше ни с кем не болтать. Тем более у нас нет доказательств. — Норкин фыркнул. — А если это правда испытания, как сказал Юра… — Глеб остановил самого себя и махнул рукой. — Пошлите спать, завтра тяжелый день.

Все, кроме дежурного Вадима, переговариваясь и продолжая посматривать на небо, потянулись обратно к палатке. Неля зашла

почти самой последней, перед Глебом. На душе было еще неспокойнее, чем когда она только проснулась.

В дальнем отсеке вновь вспыхнул разговор о том, что это было, и Неля успела с сожалением подумать, что теперь ей предстоит засыпать под эти споры. Но Глеб быстро рявкнул: «Кто хочет обсудить — пусть выходит на улицу!», и сразу стало тихо.

Васенке хотелось бы спросить у него, как он думает, что это были за огни, услышать мини-лекцию по физике и природных явлениях и успокоиться. Но она понимала, что Глеб вряд ли знал про эти странные шары — мог только догадываться, как остальные ребята.

Уснуть ей в эту ночь удалось очень нескоро.

Утром долго поднимались и собирались. Неля лежала в палатке, не спеша выходить наружу и прислушивалась к неразборчивым голосам. Люся ушла, и в палатке вместе с ней оставались Юра Дорошенко и Вадим Шакунов. Они тихо переговаривались про ночные огни, но Неля не услышала ничего интересного. Только узнала, что больше за эту ночь шары не появлялись.

После завтрака, собравшись, группа выдвинулась дальше. По крокам предстояло пройти чуть более двадцати километров, вдоль Северной Точи. Погода благоволила, ветер был несильный.

Идти по берегу было несложно, но наблюдательный Глеб предложил спуститься и идти прямо по льду — как в самом начале предлагал Вася Постырь. Группа столпилась на берегу и принялась выискивать более удобный путь для спуска. Над рекой нависали пушистые карнизы, а где их не было — торчали ветки, сухие корни от рухнувших елей, и в таких местах сломать лыжу или ногу было раз плюнуть.

Было решено спускаться прямо по карнизу, «лесенкой», один за другим.

— Я первый, — вызвался Норкин.

Он взял обе палки в одну руку, проверил лыжей плотность снега и через секунду уже аккуратно спускался вниз.

Броня протяжно вздохнул, наблюдая за ним.

— И чего так копаться? — он повернулся к Васенке, которая стояла к нему ближе всех. — Можно сразу взять и скатиться — смотри, какой снег плотный. А то мы до вечера будем здесь копошиться.

Неля лишь улыбнулась ему. Она сама была не против того, чтобы подождать и пока немного передохнуть. Они и без того, чтобы наверстать упущенное, шли и шли без остановки все это время, а она совсем не выспалась…

Как оказалось, Толе и не нужно было большего одобрения. Он снова глянул вниз, увидел, что Коля только-только доскребся до половины карниза, и его терпение лопнуло. Прежде чем кто-то успел моргнуть, Броня лихо присвистнул, со всей силы оттолкнулся палками и рванул Норкину наперерез.

Снежный карниз надломился у вершины, не выдержал и вместе с ребятами рухнул в долину. Группа, оставшаяся на берегу, сгрудилась в кучу, сквозь белоснежную пыль пытаясь рассмотреть, что случилось. Нелю неожиданно разобрало на смех, и она едва сдержалась от смешка. Ох уж этот Броня…

Глеб покачал головой и резко взмахнул палкой, указывая вниз.

— Пойдемте. Надеюсь, кости они себе не переломали.

Неля об этом не подумала. Пока все спускались вниз по проломленной тропе, она подъехала к Глебу и попыталась оправдать Толю, досадуя на то, как сейчас ему попадет от руководителя.

— Глеб, ты же его знаешь, он не хотел дурного. Просто надо было его первого…

— Защищаешь Броню? — Сосновский мимолетно оглянулся на нее, и Неля заметила, что его серо-зеленые глаза были спокойны, как ледяное озеро. — Я не собираюсь его ругать.

— Правда?

Конечно, Глеб же слишком великодушен к выходкам Толи, можно было и самой догадаться…

— Правда, — спокойно подтвердил он и добавил: — Норкин все сделает за меня.

В сугробе темнел рюкзак, торчала лыжа. Ребята быстро откопали Толю, который лежал на спине и улыбался во все тридцать два зуба. Затем отрыли Колю. Неля следила за тем, как его поднимают, полностью белого от снега, точно диковинного йети. Он продолжал стискивать в одной руке сломанную палку и в первые минуты казался совершенно растерянным. С него смахивали снег, посмеивались, затем подскочили Шакунов и Рустик и взяли за руки, проверяя, целы ли кости. Казалось, буря прошла мимо, но…

Убедившись, что он ничего не сломал, Коля обернулся, увидел рядом широкую улыбку Брони, и потерял все терпение.

— Вот чмо! Бойся кобылы сзади, а дурака со всех сторон!

Это было сказано с такой лютой ненавистью, что все перестали улыбаться. Над Точей повисла тяжелая тишина.

Улыбка Броневского мигом сошла с лица, и честные глаза испуганно округлились.

— Коль, ты извини… — растерянно забормотал он, но Норкин демонстративно повернулся к нему спиной.

Неля выдохнула, сама не понимая, когда успела задержать дыхание, и переглянулась с Глебом. Действительно, Броне сполна хватило и этого. Да и им всем тоже.

Люська подошла к растерянному Толе и начала заботливо отряхивать его от снега, но ее глаза были грустные. Неля тоже подошла помочь и услышала, как она бормочет:

— Почему он такой? За что он так всех ненавидит?..

Более-менее приведя себя в порядок, группа собралась идти дальше. Броня сначала пытался снова попросить прощения у Коли, но тот глянул на него с такой злостью, что Броневский счел за благо пока держаться от него подальше. Тогда он пробился к Глебу и принялся извиняться перед ним, объясняя свой поступок: «Ну это, понимаешь, в каждом русском ведь есть что-то гоголевское. Мы не можем без быстрой езды, у нас в крови это заложено!.. Ты-то на меня не сердишься? Нет?» Ребята снова повеселели, посмеивались над несчастным Толей и по гладкому, твердому насту на реке ускорили темп. Сосновский тоже отмахнулся от друга и быстро повел группу вперед.

Неля наблюдала за ним, идя рядом с Люсей. Она никак не могла перестать улыбаться над Броней, пока он не видел и подъезжал то к одному, то к другому, каждому стараясь объяснить, зачем поехал по карнизу. Толя вечно так — сначала сделает, а затем думает. Никогда не знаешь, в какой момент от него ждать очередной выходки.

Люська рядом ехала молчаливая, насупив нос. Иногда быстро, мимоходом оборачивалась назад, сердито вздыхала и снова переводила угрюмый взгляд вперед.

Коля Норкин тащился позади всех, злой на весь мир.

***

«Сегодня был долгий, трудный, но такой интересный день!

После привала мы вышли на мансийскую тропу и по ней легко и быстро прошли через чащу, незначительно отклонившись от нашего собственного маршрута. Тропа вывела нас к поляне.

В центре высилась береза, у нее была стесана кора, а на ней вырезаны непонятные черточки. За березой громоздилась странная конструкция — на высоких опорах лежал сколоченный деревянный ящик, немного похожий на гроб.

Разумеется, мне стало не по себе и захотелось уйти как можно скорее. Когда долго не видишь других людей, кроме своих товарищей-туристов, а затем среди этой глуши, этой дикой местности вдруг натыкаешься на что-то, похожее на гроб, то приятного в этом мало. Но так думала только я одна.

Ребята сначала окружили березу, рассматривая письмена, затем столпились под жутким навесом и принялись выдвигать разные предположения, что это может быть. Я порадовалась, что Глеб пока не отошел к ним и по-прежнему стоял рядом с деревом, достав свой блокнот. Я подошла к нему, встав почти спиной к деревянному ящику, чтобы не видеть его, и спросила:

— Как думаешь, что это может значить, Глеб?

— Не думаю, а точно знаю, — мягко усмехнулся он и показал мне свои записи. — Когда мы были в домике лесорубов, я переписал у ребят несколько мансийских символов и их расшифровки. Видишь? Манси могли оставить полезную для нас информацию о дороге или опасностях, например…

— Опасностях?

Позади нас послышался взрыв смеха, и мы обернулись. Броня с энтузиазмом размахивал лыжными палками, указывая на находку и что-то предлагая. Отрадно видеть, что он наконец-то позабыл про свое неудачное падение и снова был весел.

— Например, о завалах, — подумав, пояснил Глеб, — или о том, что снег намного глубже в этом году и идти этой дорогой не следует.

Я немного рассердилась на себя. Конечно, о каких еще опасностях может идти речь в такой дикой местности?

— И здесь написано об этом? Ты можешь это перевести?

— Могу. Но здесь человек рассказал о своей охоте. Кажется, они завалили медведя… Ты куда полез?!

Я вздрогнула от неожиданности и развернулась. Неугомонный Броня уже скинул лыжи и рюкзак и теперь взбирался на жуткую конструкцию. Тонкие опоры скрипели и шатались, с ящика слетело немного снега.

— Глеб, мы только проверим, не спрятали ли они в лабазе кусочек лосятины! — весело отозвался Броня, уже почти добравшись до крышки короба.

— Быстро слезай оттуда!

Еще свежо было воспоминание, чем обернулась предыдущая выходка Толи, поэтому он без спора спустился и обиженно отряхнул руки. Я невольно перевела дыхание, порадовавшись, что мы не узнаем, что спрятано в этом гробу.

— На лабаз ведь похоже, знаешь, что манси могли там запрятать...

— Пойдемте дальше, — перебил его Глеб и быстро посмотрел на меня.

Наверное, он видел, как мне было не по себе, и поэтому поспешил увести группу. Мой милый Глеб! Обещаю, что буду смелее, обязательно буду!

По дороге нам продолжали попадаться заметки мансийских охотников, и я с некой тревогой вглядывалась в непонятные черточки, не понимая, предупреждают ли эти люди нас о чем-то или просто делятся своими успехами. Глеб возле них больше не задерживался, а больше ни у кого из нас не было словарика, чтобы переводить.

Остановились на ночевку, когда уже начало темнеть. Палатку установили у излучины Точи, натянув между молодыми, тонкими березами. Вадим и Вася долго разводили костер, но он получился у них на славу, большой и жаркий. До того большой и жаркий, что огонь неожиданно перекинулся на чью-то телогрейку, которая сушилась рядом.

Я как раз заполняла дневник, когда почувствовала вонь от тлеющей ваты, а Коля заорал во все горло:

— Горим! Пожар!

Ребята попытались спасти телогрейку, но было поздно. Правый рукав у нее сгорел почти полностью, не было воротника, и она расползалась прямо в руках. Вадик почмокал губами, покачал головой, рассматривая ее, а затем виновато обвел взглядом группу.

— Чья это красота?

Рустик вышел вперед. Но, не расстраиваясь, он натянул телогрейку прямо поверх штормовки и выпрямился, показывая это чудо туристского обмундирования.

— До чего хорош! — засмеялась я.

Броня сфотографировал Рустика, и было решено телогрейку пока оставить — на память.

Так что, несмотря на эту неприятность, вечер проходил благополучно. Когда мы поужинали, наговорились и выпили все какао, Люся поднялась и громко объявила:

— Ребята, у меня есть объявление! У Юры Дорошенко сегодня День Рождения!

Честно, я совсем про это забыла, если бы не Люся — даже не вспомнила. Да и судя по реакции остальных ребят, я была не одна такая. Только наш начхоз может держать у себя в голове такие даты, несмотря на походы, летающие шары в ночном небе, со-

жженные куртки и прочем. Она даже подготовила подарок для Дорошенко — мандарин.

Юра был смущен неожиданным вниманием, но мне было приятно видеть, что он улыбается, получив свой скромный подарок. Мы наблюдаем за тем, как он аккуратно чистит мандарин от цедры, разламывает его и смотрит на дольки. Когда он снова поднимает голову, улыбки на его лице уже нет.

— Только тут всего восемь долек. Кому-то не хватит.

Он обводит взглядом ребят и снова смотрит на злосчастный мандарин. Глеб слегка пожимает плечами, и мне почему-то кажется, что он вот-вот откажется от своей доли. Как будто он лишний в группе.

Но конечно он не говорит ничего такого. Глеб поступает как справедливый руководитель и предлагает бросить слепой жребий — «Если у Юрки нет других вариантов.» Дорошенко сглатывает, как будто собираясь возразить, но затем кивает. Броня услужливо набирает веточек, а потом принимается обходить нас, и мы по очереди вытягиваем прутик. Спор решается довольно быстро — у Люськи в руках оказывается самая короткая палочка.

Мне становится немного обидно за подругу, которая сама же вспомнила про день рождения и подарила Юре мандарин. Я даже надеюсь, что кто-нибудь из парней поменяется с ней местами, но дураков не находится.

— Ну что ж, — Люсе все же тяжело скрыть обиду из голоса, — хорошо. Я не расстроена, правда. С Днем Рождения, Юр.

Она поспешно встает и уходит в палатку, и я убеждаюсь, что не надо было это все так оставлять. Нехорошо получилось.

Юра делит мандарин, и кисловатый вкус вкупе с дразнящим цитрусовым ароматом мигом напоминают мне о доме, о маленькой

елке на столике, которую мама украшала бумажной гирляндой… Я прикрываю глаза, забыв про Люську, про Юру и про все на свете.

Как же я соскучилась по дому. И по маме.»

О тех, кто запутался

— Они уже здесь! Быстрее!

Как никогда казалось, что рюкзак весит не меньше тонны, а лыжи созданы только для того, чтобы задерживать тебя. Неля изо всех сил старалась поспевать за ребятами, но палки тонули в бездонном снеге, лыжи скрещивались, а рюкзак так давил на спину, словно на него взобралась вся группа.

Обернувшись через плечо, она взвизгнула и постаралась хоть немного сдвинуть себя с места.

К ней приближались эти ужасные снежные люди. Они встали на их пути, выбравшись из сугробов, и теперь гнались, вытянув перед собой лохматые, когтистые лапы.

— Ребята!.. Стойте!.. Глеб!

Группа была далеко, бросив ее здесь одну. Неля дергалась, пытаясь продвинуться вперед, но лыжи застряли, палки тянули за собой вниз, а за спиной уже слышалось сопение приближающихся тварей.

Взмокнув от бессмысленных усилий, Неля со всей силы вытащила палки из сугробов, но в эту же секунду снег разверзся под ее ногами, и она кубарем полетела вниз.

***

Утро началось рано — в полдевятого дежурные всех растолкали и выгнали из палатки. Неля была даже благодарна за это. Она чувствовала себя разбитой, уставшей, словно действительно всю ночь пыталась выбраться из сугроба. А еще радовалась, что кошмарные сны остались в прошлом…

Все удобные места у костра были заняты, и Неля села рядом с Постырем. От котелка тянуло чем-то ароматным, но уже немного

подгоревшим. Группа, сонная, замерзшая, нехотя переговаривалась и двигалась, передавая друг другу тарелки и ложки.

— Вадик, — заговорила Люся, привлекая внимание всех, — ночью тех шаров больше не было?

Ребята немного оживились, вспомнив про вчерашнее странное явление. Этой ночью опять дежурил Шакунов на пару с Колей. Если огни были, то хоть один из них должен был их заметить. А то и сфотографировать.

Прежде чем Вадим открыл рот, на вопрос Люськи ответил Норкин:

— Конечно были — посмотри на лес.

Все, за исключением самой Люси, обернулись. Неля услышала, как Коля попытался сдержать смешок, но не смог.

— Смотрите-смотрите, эти шары так низко пролетели, что спалили все верхушки деревьев, — продолжил он, безуспешно пытаясь говорить серьезно.

Неля улыбнулась. Видимо, Коля уже забыл про вчерашнее «снегопадение» Брони или просто перестал держать на всех зла. Она понимала, как много это стоит, но больше никто из ребят не оценил чувство юмора Норкина. Люся фыркнула и поднялась, чтобы самой наложить в тарелку каши. Коля протянул ей руку, чтобы помочь, но она увернулась от него.

— Я вообще-то серьезно говорю, — обиженно забубнила она, — а тебе лишь бы посмеяться надо мной, да? А если Юра прав? Если это какое-то испытание? Если никто не знает, что мы здесь есть, вот и запускают свои ракеты или…

Норкин не выдержал и зажал Люське рот ладонью. От возмущения она так и застыла, округлив глаза. Неля спрятала лицо на плече у Васи, чтобы подруга не увидела, как она смеется.

— Начхоз, я обещаю, если увижу эти шары в следующий раз, то первым делом разбужу тебя! Договорились?

Люся опустилась на свое место, вся красная от злости. Дорошенко, как обычно чувствуя себя виноватым, поспешно заговорил:

— Да не испытания это, я сказал не подумав! Здесь же манси живут, никто бы не стал запускать сюда ракеты. А если бы и стал, то тут было бы все огорожено. Это были просто… ну, просто…

— Пришельцы! — выкрикнул Броня.

Вчера на вечернем кострище, когда Неля с Люсей уже ушли спать, решался вопрос, как подступить к Тур-Чакыру. Глеб предлагал зайти с западной стороны, чтобы было проще. Придется делать крюк, но тогда они наверняка побывают на горе.

Трое были против. Вася Постырь говорил, что лучше идти напролом, через лес — чтобы не терять время и дотемна забраться на вершину. Его поддержали Норкин и Юра, но, по словам Брони, когда он рассказывал об этом Неле, Сосновский напомнил, кто руководитель группы, и протестующим не осталось ничего другого кроме как смириться с его решением.

По суровой реке Кай-Ола идти было сложно. Тут и там водный поток обвалил высокие берега, и деревья рухнули вниз, перегородив реку. Приходилось выбираться на берег, обходить такие места, а затем снова спускаться. Неля услышала, как ругался Коля, стоя перед таким завалом:

— Если бы мы только взяли толовые шашки!.. Тут можно было бы взорвать это всё! И проход был бы открыт... Чертова Кайла!

Люся, которая шла следом за ним, нетерпеливо помахивала лыжной палкой, ожидая, когда он выговорится и пойдет дальше. Вася, стоя за ней, обернулся, поймал взгляд Нели и заговорщицки произнес:

— А испанцы в таких случаях кричат… — Тут он набрал в грудь побольше воздуха и гаркнул на всю долину: — «Карамба!»

От неожиданности Люська шарахнулась от Васи, сбила Норкина с ног, и они оба скатились к самому завалу. Неля смеялась до слез, не в силах ничего поделать с собой, Постырь виновато прятал улыбку в усы. К ним вернулся Рустик и присвистнул:

— Бежим отсюда, пока они оба вас не поколотили!

Добравшись до подножия горы, сделали привал. Начхоз расщедрилась на богатый обед, а Броня сделал несколько фотографий, щелкая затвором как раз в тот момент, когда кто-то открывает рот, набивает полные щеки или просто морщится от ветра.

Рюки решили оставить здесь и штурмовать вершину налегке. Дело пошло быстрее и веселее, группа бросилась наверх едва ли не наперегонки, воодушевленная перекусом и легкостью за спиной. Но Тур-Чакыр не жаловал посетителей.

От сильного ветра не спасали ни шарфы, ни капюшоны, снег обжигал глаза белизной. Пришлось снять лыжи, чтобы было удобнее взбираться, и ботинки скользили по камням и фирну.

Но Тур-Чакыр этого стоил. На высоте в 1300 метров ярко светило холодное солнце, а внизу, у самых ног громоздились облака. Оставив на туре свою визитку, группа оправилась в обратный путь.

По дороге заметили глубокие, раздвоенные следы. Дорошенко, внимательно рассмотрев их, сказал, что здесь прошли лоси. Броня оживился.

— Может, пойдем за ними? Никто не взял случайно ружье? Вася, нет? Эх, ну как же так!

— Тебе все не терпится попробовать лосятины? — улыбнулся Рустик. — И совсем не жалко их?

— Слободин! Это дикая природа, тут не до сантиментов. А я ни разу не пробовал лосятины и не собираюсь помирать без такого опыта!

Как оказалось, лоси были умнее девятки студентов университета. Едва они свернули со звериной тропы и зашли в лес, как произошло чудо. Направляющий, Вадик Шакунов, шел-шел, да вдруг исчез, не успев даже пискнуть. Все замерли в благоговении перед совершившимся, а Вадим завопил:

— Осторожно! Дайте мне руку!

Оказалось, Шакунов провалился в ловчую яму. Только чудом он не переломал себе ноги и лыжи, отделался легким испугом. Едва его вытащили, как он радостно воскликнул:

— Там еще капкан!

Глеб только качал головой, пряча улыбку, пока Вася и Броня осторожно вытаскивали из ямы ловушку. За ней протянулась проволока, а сам капкан был взведен. Бросив его на снег, Постырь и Толя принялись отряхивать рукавицы — на них налип жир или какое-то масло, которым намазали ловушку.

Пока все стояли кругом и обсуждали, какие только охотники забираются в такую беспросветную глухомань, Коля разжился толстым суком. Недолго думая, он сунул его в капкан и едва успел отдернуть руку. Громко лязгнули зубья, и во все стороны полетели щепки.

Вадим с трудом сглотнул и вытянул перед собой правую руку.

— Ребята, я же его под снегом рукой нащупал…

***

«Устраиваемся на ночь. Даже есть что-то отрадное в том, что встаем прямо по мансийской тропе. Раз до нас здесь совсем недавно были люди, то значит и с нами ничего не случится. Эта мысль так успокаивает меня, что я даже вызываюсь на дежурство.

Все как обычно началось со спора.

— Нет, Глеб, — говорил Вадим, — прости, но это уже какое-то издевательство. Я две ночи подряд дежурил.

— Разве это можно назвать дежурством? — я видела, что у Глеба были свои цели и планы, он никогда бы не стал придираться к кому-то просто так. — Я хочу, чтобы каждый выполнял свою работу. Качественно.

Но Вадим уже правда устал, а еще он упрям как осел, так что я видела, что спор грозил затянуться. Поэтому я быстро подошла к парням и предложила:

— Давайте я сегодня буду дежурной.

Глеб тяжело смотрел на Шакунова, у меня даже сжало сердце. Терпеть не могу, когда мальчишки в походе начинают ссориться, но без этого никогда не обходится.

— Что, ты не против, чтобы вместо тебя дежурила Неля? — наконец спросил он.

Я испугалась, что Вадик уступит, но он лишь раздраженно вскинул руки.

— Если хочет — пожалуйста! А я высплюсь.

И он поспешил уйти, пока Глеб все же не запряг его. Он не очень довольно посмотрел на меня, но затем смягчился:

— Тогда найди себе кого-нибудь в пару и потом доложишь мне.

Обзавестись напарником оказалось несложно. Когда я подошла к костру, возле которого сидели Вася, Рустик и Броня и спросила, кто хотел бы подежурить со мной, все трое подняли руки. Я расплылась в улыбке как дурочка, наблюдая за ними, и выбрала Рустика.

Честно говоря, мне даже нравятся дежурства, если только они не выпадают на дождливые ночи. Можно всласть наговориться со своим напарником, смотреть на звезды, заполнять дневник, а

утром наблюдать за тем, как сонные ребята выползают из палатки и рассаживаются у костра. Чувствовать себя кем-то вроде хранителя сумерек и огня.

Я занимаюсь ужином, и мне помогает Люська, а Рустик с Колей отправились за лапником. Глеб вместе с Васей сидит над картой, Броня настраивает дежурные часы. Вадим в палатке, а Юра ходит рядом с ней, проверяя растяжки.

Воспользовавшись тем, что на нас никто не смотрит, Люся ближе склоняется ко мне и тихо спрашивает:

— Вы с Глебом что ли поссорились?

— Нет, что ты! — удивляюсь я. — Почему ты так решила?

Люся переводит взгляд на мальчишек, но никто нас не слышит. Тогда она отставляет котелок с гуляшом, деловито перекидывает косу вперед и поворачивается ко мне. Ну все, что-то будет…

— Просто узнала, что ты за Вадика заступилась, а Сосновский ведь не любит, когда с ним спорят…

Меня немного задевает это замечание, хотя я понимаю, что Люська права. Но из-за таких разговоров Глеб кажется каким-то тираном, что ли, а ведь это совсем не так.

— …потом еще взяла себе в напарники Рустика, а не его, — многозначно заканчивает Люся.

— Ну и что? Он мне сказал выбрать кого-нибудь, не думаю, что он сам собирался дежурить…

— Ох, Васенка, парни никогда в таком не признаются! Ежу ясно, что он предпочел быть вместе с тобой. А ты взяла и позвала Рустика. Он же теперь будет дуться весь следующий день, и нам всем из-за этого попадет.

Люся смотрит на меня почти с осуждением, а я не знаю, что стоит ответить. Конечно, со стороны, наверное, виднее, хотя в то же время все кажется не совсем так, как на самом деле. Но неуже-

ли Люська права? И мне стоило позвать Глеба дежурить, раз уж я вызвалась? Ничего не понимаю.

На мое счастье из леса показывается Норкин с полным ворохом веток в руках, и я радуюсь, что Люська не сможет при свидетелях продолжать укорять меня. Она еще никого не замечает и терпеливо ждет мой ответ. Может, даже думала, что я оправдываться перед ней начну.

— Привет, девчата!

Коля выгружает у костра, наверное, весь сушняк, который только был на Урале. У них с Рустиком что, соревнование, кто больше соберет?

— Ужин еще не готов, — отрезает Люська, рассердившись, что нашу беседу прервали. — Вот сухари, если хочешь.

— Не хочу. Я вообще вам собирался помочь. Что сделать?

Я смотрю на Колю с благодарностью, но не за его помощь. Я просто не знаю, как смогла бы объяснить Люсе свои непростые отношения с Глебом. Как сама зачастую не понимала, чего он хочет от меня, то отталкивал, то наоборот, вроде как, стараясь быть рядом.

Как бы хотелось верить, что этот поход сможет решить все вопросы и недосказанности.

Возвращается Рустик, грустно принеся треть от того сухостоя, что притащил Коля. Чтобы отвлечь его, я прошу что-нибудь сыграть на мандолине. Перезвон струн может спасти любую ситуацию. Если бы в походах не было мандолины или гитары, я клянусь, к концу путешествия туристы бы уже поубивали друг друга.

Ужин проходит спокойно, если учесть все обстоятельства этого вечера. Я украдкой наблюдаю за Глебом, но по нему нельзя сказать, что он обижен или зол на кого-то. К нам вернулся Вадя, и смотря на него тоже непонятно, недоволен он или все в порядке.

Все же думаю, что второе — парни забывают обиды куда быстрее, чем девушки.

Постепенно все начинают расходиться. Никто и рта не успел открыть, как Коля вызывается первым дежурить у печки. Я замечаю, как на него странно поглядывает Люся, верно, пытаясь разгадать коварный план, почему Норкин сегодня в таком хорошем настроении. Уходить она не спешит, остается с нами возле костра до самого последнего. Глеб тоже еще здесь. Разговаривает с Рустиком, держа в руках кружку с какао.

В палатке чем-то возмущается Броня, слышится возня, палатка начинает качаться, и через секунду из нее кубарем выкатывается Вася. Быстро набирает пригоршню снега и снова скрывается внутри — мы все и глазом моргнуть не успеваем.

Едва Глеб приподнимается со своего места, как полог отдергивается и смущенно выглядывает Юра.

— Все в порядке! — кричит он. — Толя немного загорелся, но сейчас уже все хорошо! Спокойной ночи!

Глеб опускается обратно и протяжно вздыхает. Я слежу за ним и боюсь, что сейчас попадет всем — как и предупреждала Люська. Она сама в это время крепко зажимает себе рот ладошками и сгибается пополам, чтобы не расхохотаться.

— Кто-нибудь, дай мне сил на это, — едва слышно шепчет Глеб, а затем снова встает и на прощание хлопает Рустика по плечу. Оборачивается ко мне и слегка усмехается, как-то по-доброму. — Спокойной ночи, Неля.

Я встречаюсь с ним взглядом, и у меня замирает все внутри.

— Спасибо… Тебе тоже.

Когда он уходит в палатку, меня начинает подталкивать в бок Люська.

— А ты почему еще не спишь? — ворчу я, прежде чем она открывает рот. — Совсем не устала за сегодня?

— Устала-устала, не переживай. Слушай, а ты мне не соврала, он правда на тебя не сердится… Но вот почему?..

Рустик с хрустом ломает ветки рядом со мной и делает вид, что не слышит наш разговор. Я окончательно смущаюсь и все же пытаюсь спровадить Люсю:

— Давай, иди уже, по глазам вижу, как спать хочешь. Завтра тебя не добудимся, придется собирать вместе с палаткой и тащить на себе…

— А ты тему-то не переводи! Вот удивительно, как тебе удалось избежать гнева начальника?.. Ох, подожди, я вспомнила! Ты же сегодня весь день шла рядом с ним как приклеенная. За всю дорогу даже не пикнула, даже там, на туре! Ух, Глеб ведь любит, когда возле него крутятся и в рот ему смотрят. Ну ты молодец, Васенка! Вот почему он не рассердился, а я-то еще удивлялась…

Тут у меня окончательно сдают нервы, и я уже не могу игнорировать пофыркивание Рустика рядом. Набираю полную грудь воздуха и иду в атаку:

— А знаешь, кто сегодня вокруг тебя крутился весь день? И хвороста натаскал, и с ужином помог, чтобы ты хоть раз глянула, но разве от тебя дождешься! Ты только за мной с Глебом можешь присматривать, на других в это время и внимания не обращаешь.

Я попадаю прямо в яблочко. Рот Люськи медленно приоткрывается, а щеки заливает румянец. Она несколько раз хлопает глазами, силится что-то сказать, а затем просто встает и сиплым от волнения голосом выдает:

— Ну, знаешь!.. Тут вообще ничего такого нет! И все, я пошла спать. Рустик, доброй ночи тебе!

Она поспешно уходит, и я прикусываю палец, чтобы не засмеяться, наблюдая за ней. Ловлю на себе взгляд Слободина и смущаюсь. Подкидываю в костер сучья, чтобы не смотреть на него еще несколько секунд.

— Ой, я так люблю, когда с нами дамы в походе, — не выдерживает он и начинает хихикать. — Вокруг вас постоянно какие-то заварушки происходят. По сравнению с этим походом, Алтай прошлого года — скука смертная!

Я осторожно улыбаюсь, по-прежнему не смотря на него. Летом на Алтай ездили одни парни, и по сравнению с нашими другими походами, это путешествие в самом деле прошло вполне ровно и благополучно, даже удивительно.

Ночь темная, глухая, дикая — такие бывают только зимой на Урале. Костер жарко горит, точно живое существо, с треском и клекотом выпуская яркие всполохи во тьму.

Я уютно устроилась возле него, пододвинув ноги и вытянув ладони. Рустик сидит напротив и клюет носом. Даже среди ночи, неделю спустя после похода он все равно умудряется выглядеть симпатично. Как будто бы сам по себе, не прикладывая к этому никаких усилий.

Все девчонки мечтают попасть в одну группу со Слободиным. Он завидный жених: из семьи профессора, здорово играет на мандолине, ростом вышел и характер у него чудо. Но по иронии судьбы, Рустик вечно оказывается в группах, где у девушек уже есть парни или которым он просто не интересен в качестве друга. Казалось бы, такая как Люська должна была давно потерять голову и хвостиком ходить за Рустемом, но почему-то она обращает на него внимания не больше, чем на других парней. Уверена, если бы не Глеб, я бы сама влюбилась в него…

— Горит! Неля! Варежки горят!

Так, пока я раздумывала о мальчишках и любви, а Рустик задремал, загорелись варежки, которые на просушку оставил Юрка. Сначала телогрейка, теперь рукавицы — как бы мы не спалили всю палатку, вместе с ребятами внутри!

Покрутив в руках варежки, Рустик переводит взгляд на меня и предлагает:

— Давай ты ему скажешь. — Он виновато улыбается. — На тебя он точно не будет злиться.

Это правда, как бы мне не хотелось признавать.

Остаток ночи проходит спокойно. Мы убрали подальше все вещи, которые оказались вблизи огня, и почти не разговаривали. Я продолжала раздумывать о перипетиях любви, смотря то на Рустика, то переводя взгляд на палатку.

На небе мерцали крошечные звезды и лишь одна, неподвижная Луна.»

О тех, кому тяжело. Ч. 1

Ночь была холодной, но благодаря постоянно горевшей печке никто не замерз, и ночевка в целом была сухой и теплой. Неля даже умудрилась выспаться за дежурство и при этом не увидеть никаких снов, что тоже радовало ее в нынешней ситуации. Они с Рустиком подняли ребят так же рано, как и вчера — даже продлив себе контрольный срок, Глеб видел, что они отстают от графика, и теперь было не до поблажек. Быстро позавтракали, собрались и уже в десять часов вышли со стоянки.

След манси снова помогал им, и поначалу они шли бодро и весело. Вчера вечером и сегодня утром Вадя Шакунов успел соорудить свое новое изобретение — сколотил сани из запасных лыж и палок. «Это гениальное решение! — говорил он. — Больше никакого рюка под сорок кило за спиной!» Но никто не спешил ему завидовать. Сани с рюкзаком ехали медленно, сбивали лыжню и уже через пять минут опрокинулись в сугроб.

Вадик старался не показать, как его задела неудача, но все видели эту недовольную мину. Чудо-изобретатель мог расписывать поистине удивительные вещи, мог строить самые четкие схемы и понятные инструкции. Но почему-то на практики все его идеи терпели неудачу — за этот поход таких было уже две. Неля искренне надеялась, что однажды он станет великим изобретателем, потому что создаст действительно удивительную и важную вещь, которая будет работать. Но также она надеялась — втайне — что за этот поход экспериментов больше не будет.

Когда они еще не ушли далеко от Малика, то устроили спонтанный привал — место было открытое, снег — неглубокий, а погода теплой. Казалось, что они заслужили небольшой перерыв,

потому что идут без проблем, быстро и наверняка доберутся до Раупа затемно.

Перекусив, все поначалу лениво восседали на рюках и вели светскую беседу. Но затем Броня кинул в Рустика первый снежок, и это положило начало настоящей баталии.

Во всеобщее веселье не вмешивались только Вася, Глеб, да Неля держалась рядом с ними. Получить в лицо снежок ее не прельщало, но нравилось наблюдать за ребятами. Пока Рустик и Броня валяли Шакунова в сугробе, Норкин фотографировал их, а Люся пыталась расшевелить миролюбивого Юрку Дорошенко, закидывая его снежками. Неле было почти жалко смотреть на то, как он безуспешно пытается защититься от Коломийцевой, но при этом не мог скрыть улыбку и смех.

Неля случайно услышала, что говорил Глеб, и после уже не могла дальше смотреть на ребят. Она не хотела подслушивать, но так и замерла за спинами парней, не в силах ни уйти, ни подойти ближе.

— Настоящий руководитель такого бы не допустил, — говорил Глеб, и Неле мнилась какая-то незнакомая прежде боль в его голосе. — Я не должен, не имею права показывать слабину перед группой. Следовать только плану, ни шагу в сторону, ни шагу назад!

— Но они понимают, что ты не механический, — подумав, ответил Вася. — Что ты тоже можешь допустить ошибку…

— Я не имею право на ошибку! Высшая категория трудности, дикая местность, восемь человек в группе, из них две девочки. Как тут можно допустить ошибку? Я отвечаю за всё! — Он снова тяжело вздохнул. — Наверное, поэтому каждую секунду жду, что с кем-нибудь случится беда, и не могу иначе.

Неля до рези в груди захотелось подойти к нему, сказать, что она в него верит, что он напрасно сомневается, и у него все полу-

чится. Может, даже обнять, чтобы он наверняка почувствовал ее поддержку.

Но она оробела, не подошла. И Глеб ничего из этого не узнал.

И Вася, конечно, не стал говорить ничего такого. Только крякнул и потянулся.

— Не бери в голову. Ребята в тебе души не чают. Да и мне нравится ваша группа. Одна из лучших, в которых я бывал.

Неля видела, что ему хотелось подбодрить Глеба, на свой маневр, но его это утешило мало. Он так и сидел, хмуро наблюдая за ребятами, и вряд ли замечал, что Нели среди них не было.

***

«Пока шли по Малику, погода окончательно испортилась. Ветер был теплый, но очень сильный, приходилось идти, пригнувшись и крепко налегая на палки. Но мы продолжали подъем в гору — пусть и медленно — без остановок.

Сначала кончились ели. Затем березы, и мы вышли на границу леса. Здесь, у кривых деревцев, сделали последнюю, быструю остановку, чтобы натянуть на себя вторые рукавицы и маски от ветра и снега. Уверена, все мальчишки сейчас мысленно благодарили заботливую Люську, которая перед каждым походом смотрит, у кого прохудились рукавицы или носки и вяжет новые, следит, чтобы никто ничего не забыл. Тогда, в теплом общежитии, все посмеиваются над ней, но только сейчас, при таком ужасном ветре, они могут оценить ее заботу.

Запасных рукавиц не оказалось только у Васи, потому что Люся не знала, что он идет с нами, а Саша забыл отдать те, что были у него. Кто-то предложил ему свои, но Постырь гордо отказался и заявил, что такой легкий ветерок ему нипочем. Как бы потом не пришлось растирать обмороженные руки этого пижона!

Юра предлагал натянуть между нами веревку, чтобы никто не потерялся, но Глеб отказался. Ветер такой сильный, что будет раздувать шпагат, а следить еще за ним в такую погоду — пустая трата сил и времени. Он поначалу собирался идти замыкающим, но потом поразмыслил и, видимо, решил, что никому не может доверить место головного.

— Будешь последним, — бросил он Норкину, вглядываясь в перевал перед нами, который был почти неразличим из-за метели.

Коля развел лыжными палками.

— Спасибо, что так деликатно указал мне место!

В последний раз вздохнув, мы отправились вперед, в снег и ветер.

Я занимала место в середине, сразу за Васей, но наша цепочка так растянулась, что я едва ли могла разглядеть его темный рюкзак. Когда ветер швырял снег в лицо, и небо, земля — все смешивалось в одну ослепляющую, белоснежную массу, я особенно сильно боялась сойти с лыжни и остаться в этой пустоте навсегда, одной, точно выброшенная в открытый космос. Но в такие моменты я оглядывалась назад и каждый раз видела за спиной Юру, который старался идти как можно ближе ко мне. Возможно, я поступаю неправильно, что пишу это, но мне ничего больше было не надо в эти минуты, и я была благодарна Дорошенко за его присутствие.

Со стороны раздался протяжный гул, словно выступив поверх бесконечного воя ветра. Я приостановилась, прислушиваясь. Неужели волки?..

— Васенка! Ты чего? — прокричал Юра, быстро добравшись до меня.

Я обернулась к нему, и в этот же миг гул раздался снова — ближе, громче, отчаяннее.

— Юра, что это такое? Кто воет?

Я стояла, забыв, что нужно идти дальше, чтобы не отстать от ребят, забыв, что нас девять человек, и мы можем справиться с чем и с кем угодно. В эти минуты я забыла обо всем этом. Были только метель, вой и Юра рядом со мной.

— Не знаю, — честно ответил он, дергая «уши» своей шапки, чтобы лучше расслышать. — Но это вряд ли опасно. Может, ветер так гудит. Пойдем дальше. Устала?

Я быстро помотала головой и удобнее перехватила палки, собираясь идти дальше. Ветер, конечно, что же еще. Был бы со мной Шакунов, он бы наверняка постарался объяснить это явление с точки зрения физики, разобрав по атому и гул, и ветер, и снег.

Нас уже настиг Броня, и мы все втроем поспешили догнать ребят, пока лыжню не замело. Я представляла себе, как Глеб первый продвигается вперед, с трудом прокладывая путь в мерзлом, твердом снеге, по которому скользят лыжные палки, и есть риск сломать лыжи. Представляла, как он слышит этот ужасный вой, но тут же говорит сам себе что-то вроде: «Это из-за низкой температуры воздуха» или: «Обычное явление на такой высоте в горах Урала» или что-то еще, простое и понятное. Представляла, как он идет дальше и думает о том, что он отвечает за каждый вздох каждого человека в группе и не имеет права даже на самую маленькую ошибку. Представляла, и мне хотелось быть рядом с ним как никогда сильно.

Мы догнали Васю и остальных возле скалы. Я поначалу изумилась: неужели мы успели взобраться на Рауп? А затем поняла, что это всего лишь останец, который одиноко торчал на перевале.

Ребята, которые шли впереди, поджидали нас здесь, сняв лыжи и укрывшись за скалой от ветра. Когда я наконец-то увидела Глеба, который до сих пор был в маске и сам на себя не походил, я

решила, что теперь мне не о чем волноваться. И тогда вой раздался снова.

Громкий, протяжный, душераздирающий. Он прокатился над нашими головами, словно рядом стоял старик-великан. От неожиданности я выронила одну палку, втянула голову в плечи, а сама смотрела наверх — не иначе, как старалась рассмотреть лицо этого ужасного старика.

— Это останцы, — конечно, кроме Вадика никто больше не мог это сказать. — Видишь, как выветрились? Вот-вот рухнут. Это они из-за ветра так стонут. Правда жутко?

Нет, все же Шакунову стоило объяснить это с точки зрения науки — атомов, молекул и формул, это бы меня успокоило куда больше.

Пока я оглядывалась, пытаясь рассмотреть другие останцы, Глеб вышел вперед, стянул с лица маску и громко спросил:

— Все здесь?

И тут мы осознали, что высматривать нужно было не скалы, а друг друга.

Мы потеряли Люсю и Колю.

— Лю-ся-я!

— Ко-ля-я!

Крики на разный лад на время заглушали даже вой скал. Глеб и Вася отправились на поиски, и оставшиеся Вадик, Юра, Броня и Рустик во все горло звали ребят, глотая ледяной воздух. Я поначалу тоже звала, но у меня быстро сел голос, и теперь я беспомощно напрягала глаза, смотря вперед, в белизну, в пустоту, в ветер и снег.

Как они могли потеряться? Что с ними произошло? У меня сердце ныло от тревоги, особенно за Люську.

Подошел Рустик и заботливо стряхнул снег с моих плеч.

— Не переживай, найдутся, — чуть хриплым голосом произнес он. — Отстали просто немного, сейчас Глеб с Васей их быстро приведут…

Я хотела кивнуть, но мышцы словно окаменели, и я могла лишь неподвижно стоять, как еще один останец (оказалось, что их было пятеро, так что я была бы шестым) и смотреть вперед.

В белизну.

В пустоту.

В ветер и снег.

А если кто-то из них ранен? Упал в какую-нибудь яму, как Шакунов недавно. Или сломали себе что-нибудь? Что тогда мы будем делать, на этом продуваемом всеми ветрами перевале?

Глеб никогда себе не простит, если с нами что-нибудь случится.

— Лю-ся-я!

— Ко-ля-я!

— Лю-ю-ська-а!

И Вася с Глебом до сих пор не вернулись — а если они тоже заблудятся и уже не смогут найти дорогу назад?..

— Ребят, нужно что-то делать! — проорал Шакунов, жмурясь от ветра. — Здесь оставаться нельзя! Пойдем по их следам, пока лыжню совсем не замело? К Малику?

Никто ему не ответил. Здесь не было ни Васи, ни Коли, которые могли оспорить решение Глеба и предложить свой вариант. Все остальные просто привыкли следовать четким указаниям. И сейчас они были.

«Ждите нас здесь!» — приказал Глеб, прежде чем уйти вперед.

В белизну.

В пустоту.

В ветер и снег.

Я не сразу поверила своим глазам. Не смогла понять, что движущиеся темные фигуры в метели — это наши ребята, а не останцы или мансийские духи.

— Встаем! — скомандовал Глеб, еще не добравшись до нас. — Возвращаемся к Малику!

Пока все снова натягивали лыжи, поднимали рюкзаки и палки, я добежала до Глеба. Прежде чем он успел осознать хоть что-то, я крепко, порывисто обняла его, через варежки стиснув его штормовку.

И только в этот момент, закрыв глаза, я почувствовала полное спокойствие. Как будто останцы, ветер и снег пропали, словно это всё, это мучительное ожидание было лишь сном. Кошмаром. И сейчас это прекратилось и осталось в прошлом.

Глеб не отстранился от меня. Но и не обнял в ответ. Лишь выдохнул мне в плечо и пробормотал:

— Лучше помоги Люсе…

Люся! Люся и Коля! Стыдно признаться, но я даже про них забыла на эту дорогую для меня минуту. Я быстро отпустила Глеба и посмотрела за его спину.

Люся и Коля только что подъехали на нашу крошечную, импровизированную стоянку. Оба заметенные с ног до головы снегом так, что и не узнать. Я бросилась к ближайшему из них, кто бы это ни был, и только обняв, услышала оханье Норкина.

— Черт, ну ты и нашла время, Нелли!.. Да отпусти уже, вся в снегу будешь…

После меня к нему поспешили Броня и Юра, чтобы отряхнуть и поправить лямки рюкзака.

— Ну, рассказывай, что с вами приключилось!

— Никто не ранен? Все в порядке?

Я была уже рядом с Люськой. Она стояла, прислонившись к останцу, и переводила дыхание. Рюкзака на ней не было, маски тоже, шапочка надета криво, и золотистые пряди волос трепал ветер. Открыв глаза и увидев меня, она широко улыбнулась и отлипла от скалы. Я крепко обняла ее, и только сейчас обратила внимание, какая же все-таки она маленькая. Когда Люська сердится или наоборот, счастлива, поет, танцует — ее всегда слишком много и даже не задумываешься, что на самом деле она как воробышек.

— Ты как? — выдохнула я и еще не отпустив, начала сметать снег с ее штормовки. — Все хорошо?

Я уже почти наверняка знала, что ответ будет положительный — раз все здесь, и никто не суетится, никто не просит помощи. С Люсей редко происходят неприятности — она не отстает, не жалуется и слишком умна, чтобы лезть во всякие сомнительные места. Поэтому я все же посматривала на нее с долей волнения, хотя подруга улыбалась так счастливо, будто вовсе не терялась.

— Да, все в порядке… Но это я во всем виновата, Васенка! Не удержалась и упала, ударилась… — она потрогала пальцами свой опухший нос. — А еще этот ветер и этот вой! Ты слышала?

Я не успела ответить ей — ребята полностью собрались, и Глеб вновь выдвинулся вперед.

— Ребята, мы не успеем добраться до Раупа затемно! — громко объяснил он. — Возвращаемся к Малику! Смотрим друг за другом! Вперед, за мной!

Наша цепочка немного перестроилась. За Глебом выстроились Юра, Рустик и Броня, затем встала я, а за мной шли уже все остальные.

Ребята были порядком измученные этим бессмысленным подъемом, хоть и понимали, что тащиться сейчас к Раупу — не лучшая

идея. Юра что-то кричал насчет этого не то Глебу, не то Рустику, но я не поняла, ответил ему кто-нибудь или нет. За мной тоже слышались обрывки фраз Постыря, который шел следом, но я не хотела отвечать ему и не знала, поддерживал ли беседу тот, кто шел позади него.

Таким образом, мы до сумерек смогли вернуться в долину. Рауп остался недосягаемым, скрытым за снегом и ветром, под защитой воющих останцев.»

О тех, кому тяжело. Ч. 2

«На берегу Малика была тишь да благодать по сравнению с перевалом. Деревья защищали от сильных порывов ветра, но поэтому здесь было очень снежно — лыжи проваливались в сугробы, и тонули палки.

Выбрав более-менее удобное место, все принялись утаптывать площадку для палатки. Ребята были молчаливые, уставшие и уже не переговаривались друг с другом — только изредка слышались короткие команды Глеба.

Мой милый, бедный Глеб! Как он старался сейчас не потерять лицо, как старался заботиться обо всех нас. Я бы хотела быть сейчас с ним, но от меня вряд ли будет много толка. Поэтому я отправилась разводить костер.

Со мной были Броня и Коля. Мы решили, что рыть яму для костра будем всю ночь, поэтому проще будет сложить бревна гатью и на них развести костер. Толя с готовностью бросился в лесок, обнажив свой нож, а мы с Норкиным попытались найти что-нибудь, подходящее для топки здесь. Но бесполезно — хилые ели были сырыми насквозь, не ломались, да и толку от такого топлива не будет. Оставалось уповать на везение Брони.

Норкин вскоре оставил меня и ушел помогать ему. Я посмотрела на парней, которые лыжами месили снег, а затем оглянулась.

Люся так и сидела на рюкзаке. Она ни с кем не говорила, не смеялась, не подбадривала ребят и не суетилась как обычно, пытаясь что-нибудь сделать. Мне снова стало страшно за нее. Я подошла и опустилась рядом.

— Люсенька, ты как? Нос болит?

Она покачала головой, не смотря на меня. Но я же видела, что что-то было не в порядке — она мало походила на прежнюю Коло-

мийцеву после этого злосчастного падения, и теперь я переживала, не скрывала ли она от меня нечто важное.

— Сейчас палатку натянем, разведем костер, и сразу станет веселее, — заговорила я и поморщилась, когда на нас полетел снег, сметаемый ветром с елей.

Вряд ли это будет правдой, но я старалась подбодрить ее, как могла. Она-то всегда так делает, когда мне плохо. Люська вздохнула.

— Все из-за меня! Ребята такие недовольные, место паршивое. Если бы я не была такой неуклюжей, мы бы сейчас на Раупе ночевали!..

— Не говори глупостей! Не ты, так упал бы кто-нибудь другой — я сама чуть равновесие не теряла несколько раз.

Я едва не добавила, что мне помогал Дорошенко все это время. Невольно нашла взглядом высокого парня среди остальных и поспешно отвела глаза, пока он не заметил.

— И все равно, — сердилась на себя Люся, — нужно было сразу встать и идти — походница я или тварь дрожащая? А я ведь сразу раскисла, Васенка. Так больно и плохо было. И еще этот вой ужасный — я думала, у меня уже с головой что-то не так, и только я его слышу. Стало так страшно, когда Толя впереди не услышал меня и пропал в метели. Я осталась совсем одна в этом холоде, среди снега…

Ее голос стих, и у меня сжало сердце, потому что я сама испытывала почти то же самое и могла себе представить, что она чувствовала там. Я осторожно тронула подругу за руку, отвлекая от воспоминаний.

— Но за тобой же шел Коля, да? Он помог тебе?

Я могла только представить, как должно быть он ругался, обнаружив посреди лыжни напуганную Люську. Если бы вместо него

был Рустик или Броня, то, быть может, подруга бы тогда так сильно не переживала. Вообще, за это короткое время, что прошло между моим вопросом и ответом Люси, я успела всерьез рассердиться на вредного Норкина, из-за которого так корила себя подруга, что появись он сейчас передо мной, я бы без раздумий высказала ему в лицо все, что о нем думаю.

— Да, — тихо ответила Люся и потупила взгляд. — Он… помог мне подняться, забрал мой рюк и успокаивал, хотя я совсем над собой контроль потеряла и хныкала, как ребенок. Он уговорил меня ненадолго остаться и отдохнуть. Там, рядом была гряда камней, мы за ней кое-как спрятались от ветра, и я все переживала, что нас потеряют или мы потеряем вас и больше никогда не найдем. — Она зажмурилась от воспоминаний, но затем ее лицо неожиданно расслабилось, и она улыбнулась. — Васенка, он был так добр ко мне, так внимателен. Я бы никогда про него так не подумала, но если бы не Коля, я бы точно никогда не нашла вас.

Я сидела и не верила своим ушам. Нет, конечно, я сама только вчера — лишь вчера! — пыталась шутить о том, что Норкин хочет обратить на себя внимание Люси, да и вообще они друг друга стоят. Об этом, казалось, все всегда знали, но уже так привыкли, что не придавали никакого значения. Если у костра слышится спор, то это наверняка Норкин и Коломийцева. Если один допустит ошибку, то второй сразу это заметит. И если нужно кого-то поставить в пару, то эти двое будут вместе, потому что никто другой их характер долго не вынесет.

Я не стала ничего отвечать Люсе. Только крепче сжала ее руку и слегка приобняла за плечи. Значит, так должно было случиться. Не суждено нам сегодня побывать на Раупе, но, может быть, это и к лучшему?

Наконец-то площадка под палатку была готова, но сама установка займет еще немало времени. Палатка смерзлась, ее невозможно было расправить, и тонкие ели вокруг шатались и пригибались, стоило посильнее натянуть на них веревку.

Вернулись Броня и Норкин со скромным запасом дров и веток. Я, не сомневаясь больше ни на минуту, подошла к ним и оттеснила Колю в сторону.

— Иди отдохни, — попыталась спровадить я его, — мы с Броней все доделаем сами.

— Хитрая какая! Да тут уже делать ничего не осталось!

— Вот именно! Давай, иди, Коль, тебе больше, чем нам досталось. Отдохни.

Еще немного поспорив со мной, он, наконец, сдался и побрел к Люсе. Я краем глаза следила за ними, но эта парочка просто сидела на рюках и молчала, даже не смотря друг на друга. Может, я не так все поняла? Господи, у меня такие странные чувства и мысли в последнее время из-за Глеба, что я готова и на всех вокруг их переносить.

Я отвлеклась от них, потому что нам с Толей наконец удалось развести слабый, дымный костерок. Топлива было так мало, что оставалось лишь надеяться, что мы сможем разогреть ужин. О том, чтобы всю ночь поддерживать костер, даже речи не шло.

— Неля, послушай загадку, — вдруг заговорил Толя со своей привычной улыбкой. — Можно ли таким костерком обогреть девятерых туристов и приготовить ужин? Думаешь, нет? А сейчас я тебе это докажу. Вопреки всем законам физики!

Я засмеялась, хотя смеяться тут было не над чем. Погода пока нам не благоволила, да и весь этот тяжелый день тоже вряд ли можно было назвать удачным. Но пока рядом будет неунывающий Броневский, можно было потерпеть еще немного.

Ребята до сих пор боролись с палаткой, но к нам пришел Рустик.

— Как у вас дела? Развели? Так, а где у нас остатки обеда?

— В рюке у Люси. — Я порадовалась, что мы оказались не такими проглотами сегодня, и у нас осталось достаточно лапшевника на ужин. Правда, какао или чай вряд ли получится согреть…

— Глядите, — Рустик до сих пор сидел рядом с нами и смотрел поверх моего плеча. — Вот это чудеса.

Мы дружно обернулись, чтобы посмотреть, как Коля и Люся, забыв про всех и вся, мило болтают, отдыхая на рюкзаках. Норкин размахивал одной рукой, а вторую держала Люся между своих ладоней. Она улыбалась, смотря на него, и вместе они выглядели ну просто очаровательно.

— Даже у Норкина есть сердце? — изумился Броня. — Никогда бы не поверил.

Я обиженно толкнула его локтем в бок, и он засмеялся. Конечно, у Коли было сердце, только он предпочитал, чтобы никто об этом не знал.

Рустик все же отправился к ним — лапшевник-то разогревать было надо. Парочка вмиг замолчала и отсела друг от друга подальше, как будто вообще не были знакомы. Я даже немного боялась, что Слободин сейчас подкольнет их, и тогда они оба взорвутся, и нас будет ждать буря, похлеще той, на перевале. Но Рустем спокойно забрал у них котелок и вернулся к нам.

Палатку установили только полчаса спустя. Еще через час кое-как разогрели ужин и устроились прямо в палатке. Несмотря ни на что, я бы даже сказала, что этот вечер получился уютным, как дома.

До сих пор вожусь с дневником, хотя света от фонаря Васи и печки катастрофически не хватает. Многие устраиваются спать.

Парни по-прежнему усталые, недовольные, но теплый ужин чуть-чуть поднял им настроение. Из одного угла палатки слышится бесконечное шушуканье. Люся теперь не скоро выговорится, и ничего с этим не поделаешь. Я уверена, Норкин уже давно уснул и ничего не слышит. Может, сердце у него и оттаяло, но терпение точно не резиновое.

Глеб тоже еще сидит возле печки и перебирает карту, что-то помечает в своем блокноте. Хочется быть ближе к нему, даже если просто посидеть у плеча. Хочется поделиться своими тревогами — даже необязательно, чтобы мне отвечали, просто чтобы кто-то был рядом. С Люськой бесполезно говорить — она либо начнет давать непрошеные советы, либо просто скажет: «Нашла из-за чего волноваться, Васенка!»

За печкой следит Юра Дорошенко. Я сижу к нему ближе всех, но делиться с ним своими тревогами мне тоже не хочется. Он отнесется к этому чересчур серьезно, и тогда уже я начну себя чувствовать себя неудобно, что обременила его своими проблемами. Если бы только Юра и Глеб могли поменяться местами, если бы Дорошенко был руководителем этого похода вместо него…

Неожиданно Глеб быстро собирается, встает и направляется к выходу из палатки. Я приподнимаюсь следом за ним:

— Глеб, ты куда? Я…

— Сиди, я быстро. Только гляну на перевал, — не оборачиваясь, отвечает он, аккуратно раздвигая полог.

Через пару секунд мы с Дорошенко остаемся у печки одни.

Я уже убираю дневник, собираясь тоже идти спать — хотя как можно заснуть под бубнеж Люськи я не знала, — как Юрка оживляется:

— Васенка, ты спать? Можно тебя на пару слов?

Я остаюсь, хотя на душе становится неприятно. Мне до сих пор так неловко быть с Дорошенко наедине, и я точно не знаю, чем вызвано это ощущение. Вернее, догадываюсь, но лучше бы я ошибалась…

— Все собирался с тобой поговорить, да не было подходящего момента. То одно, то другое... Послушай, мы ведь уже давно знакомы, — говорит Юра, и я слушаю его, не отрываясь смотря на оранжевые угольки в печке, — и я подумал, что может быть… стоит попробовать вынести наши отношения на новый уровень? Просто попробовать, я не настаиваю.

Я едва перевожу дыхание и медленно облизываю сухие губы. Мне кажется, что стало так тихо, что я слышу тяжелое дыхание Юры у своего уха. Кровь бьется в висках.

— Мне просто хочется присматривать за тобой. Быть рядом. Понимаешь?

— Юр… это так сложно… — у меня ломается голос и слегка дрожат губы. — Пойми, ты очень хороший парень, но… Но я… у меня…

— Тебе нравится Глеб, да? Это правда?

Мне даже становится больно от румянца, который заполняет все лицо от самой шеи. Неужели это настолько очевидно, что вся группа видит то, в чем я сама себе далеко не сразу смогла признаться? Я не могу представить, как парни перешучиваются за моей спиной, тошно даже думать об этом. Наша группа не может так поступить со мной.

Я не отвечаю Юре. Бросаю дневник, вскакиваю и ломлюсь наружу. Перед этим путаюсь в пологе, и едва не теряю валенки. Не представляю, как Дорошенко наблюдает за всем этим со стороны…

Глеб стоит у потухшего костра и сквозь деревья смотрит на перевал. На нем нет шапочки, и ветер трепет светлые, легкие волосы, порошит их снегом. Перед моими глазами неожиданно встает страшная картинка: снег полностью засыпает Глеба и не тает, и он не смахивает его, потому что замерз…

— Что там? — спрашиваю я, прогоняя все ужасы из своих мыслей.

— До сих пор метет. Думаю, как нам идти завтра.

Я вспоминаю, как страшно было сегодня, как завывали останцы, как потерялись ребята, и какое чувство потерянности настигло в этой белой пелене.

— Но как нам обойти это? Как забраться на Рауп, не переходя перевал?

Глеб долго не отвечает. Я встаю рядом с ним, почти касаюсь локтя, и тоже смотрю вперед.

— Утром посмотрим, — коротко отвечает он. Смахивает пятерней снег с волос и поворачивается ко мне. — Завтра нам будут нужны все силы и выдержка, Нелли. Сегодняшний день не должен повториться ни в коем случае. Чудо, что Коля и Люся не пострадали! Как руководитель вообще мог допустить такое? Что ребята обо мне подумали? Позор!

— Не говори глупостей! — я почти неосознанно касаюсь его локтя. — Никто о тебе не подумал ничего такого. Все и так видят, что ты работаешь на износ, сверх своих возможностей.

— Руководитель и должен работать на износ! Это моя обязанность! И если я не могу с ней справиться, то имею ли я право брать ответственность, руководить группой?

Мне так же больно, как и ему, думать об этом. Глеб слишком много взвалил на себя, и я понимаю, что он чересчур много размышляет об этом, чересчур волнуется. В этом я похожа на него —

потому что я так же много думаю про него, про свои чувства к нему, постоянно прогоняю в голове сценарии, что сказать и что сделать.

— Все знают, что ты делаешь все, что можешь, — снова говорю я, крепче сжав его за руку. — Никто бы не сделал больше. Никто другой не смог бы стать лучшим руководителем.

Глеб выдыхает и переводит взгляд на верхушки елей.

— Возможно, стоило предложить эту роль Юре Дорошенко, — тихо говорит он.

Он словно подслушал мои мысли. Было бы всем нам легче, если бы руководителем был Дорошенко? Я один раз ходила в поход под его начальством. Юрка показал свои лучшие качества: спокойствие, уверенность, рассудительность. Его и в обычное-то время сложно вывести из себя — не трогают ни окрики Глеба, ни шуточки Коли, ни замечания Люси. А как руководитель он становится вообще как скала.

Наверное, я молчу слишком долго, думая о Юре, потому что Глеб вздыхает и направляется обратно, к палатке.

— Пошли, завтра ранний подъем, — бросает он на ходу, не оглядываясь на меня.

Я спешу следом.

Почему, ну почему я не сказала ему, что он лучше Юрки? Что он лучше всех справляется со своей ролью начальника? Почему растерялась и не поддержала в минуту, когда ему это особенно требовалось?

Мне кажется, я допустила очень большую ошибку. Как же я надеюсь, что я не права.»

О тех, кто не сдается

Утром Неля проснулась позже всех. Она осторожно выглянула из-под одеяла и куртки, обозревая пустую палатку. Все ребята поднялись и ушли, а она даже ничего не услышала. Почему никто ее не разбудил? Неужели решили устроить дневку? Который вообще час?

Было уютно лежать, свернувшись клубком, под ворохом одежды и одеяла, пока вся палатка выстыла так, что изнутри покрылась тонким слоем инея. Но нужно встать, сделать физзарядку, позавтракать, в конце концов…

Неля снова закрыла глаза, оставаясь в своем теплом коконе. Наверное, она просто устала за вчерашний день. Этот бесконечный подъем в гору, в метель, а потом такой же спуск вниз. Интересно, что Глеб решит делать сегодня? Наладилась ли погода? Нет, нужно выходить.

Но она все равно медлила, с тоской представляя, что придется выйти на улицу, в холод. Умыться растопленным снегом, скорее заварить себе чая, чтобы руки не успели замерзнуть... И когда она успела стать такой неженкой? Той самой неженкой, о которой поется в песне:

«О девчонке, неженке, недотроге,

Не знающей тяжести рюкзака.»

Это про жену Шакунова, Лялечку, можно так сказать, а она? Ей не привыкать к походной жизни, но все же... все же...

Неизвестно, сподобилась ли Неля выйти сейчас или только к обеду, но все разрешил случай. Полог затрепыхался, кто-то выругался, и наконец в палатку ввалился Броня. Заметив Нелю, он округлил глаза.

— А я еще подумал, что-то у костра тебя не видно, наверное, в лесочке гуляет… А она здесь нежится как принцесса на перине!

— И ничего не нежусь! — обиделась она, неожиданно получив подтверждение своим постыдным мыслям. — Как раз собиралась выходить…

Она не успела договорить, как Толя подполз к ней поближе и теперь с беспокойством смотрел в ее лицо.

— А ты не приболела, случаем? Как себя чувствуешь?

Ну все, если он вздумает поделиться с Глебом своими подозрениями!..

— Я в полном порядке, — продолжала сердиться Неля и торопливо выползала из своего «спального мешка». — Немножко устала за вчера, так кто не устал!

Она начала протискиваться мимо Брони к выходу, но он положил ладонь на ее руку, заставив остановиться. Его лицо по-прежнему было серьезно, как будто бы даже чуть строго, если бы только Броня умел сердиться по-настоящему. Даже рыжеватая щетина, которая успела пробиться за дни дикой походной жизни, и взлохмаченные волосы не прибавляли серьезности его облику.

— Ну-ка, ну-ка, подожди, дай лоб пощупаю.

Неля попыталась вырваться, но Броня остановил ее и прижал свободную руку ко лбу. С ума сойти, только не хватало, чтобы теперь еще Броневский о ней заботился, в компанию к Дорошенко!

— Вроде не горячий. Не смотри, если…

Васенина не стала его слушать и выкарабкалась из палатки, прежде чем Толя договорил.

Большинство ребят сидело у костра, вокруг Васи, который завладел мандалиной Рустика и теперь брякал что-то знакомое, но

при этом неуловимое. Неля выпрямилась, огляделась, выискивая взглядом Глеба, но его среди остальных не было. И Юры тоже.

Неля не смогла не вспомнить вчерашние разговоры с этими парнями, и ей стало не по себе. Но не стал же Глеб в самом деле предлагать Дорошенко взять на себя командование походом! Или его задело то, что Неля ничего не ответила ему на эти слова? А если Юра рассказал ему о том, что он нравится Неле? Час от часу не легче.

Решив, что лучше не будет разыскивать Сосновского, Неля вместо этого направилась к ребятам. Она еще даже не завтракала, не привела себя в порядок, какое позорище… Нужно будет попросить Люсю о помощи, и пусть она ехидничает сколько ей влезет.

По дороге от палатки до костра она пару раз глупо и неуклюже проваливалась по колено в снег, и ей казалось, что смешки, доносившиеся от костра, относятся к ней. Вот же дурочка, вечно надумает себе всякого…

Она надеялась незаметно подсесть к огню, пока ребята смотрели на Васю, но ее появление не укрылось от внимания Шакунова, который огласил на всю округу:

— Доброго утра, голуба! Выспалась?

И все остальные тут же повернулись в ее сторону, заулыбались. Уж лучше бы они тоже заволновались как Броня и начали бы спрашивать, как она себя чувствует, чем это! Неля насупилась и промолчала. Запустить бы снежком в противного флегматика…

Добрый Рустик протянул ей чистые миску и ложку для каши, а сам взял пустой котелок и отправился набрать снега для чая.

— Мы что, сегодня на дневку тут остаемся?

Неле было неловко, что теперь все молчали и смотрели, как она завтракает, и решила узнать последние новости. Может, скажут, куда подевались Глеб и Дорошенко.

— Ага, размечталась, — хмыкнул Норкин. — Пойдем на Рауп как миленькие.

Он сидел напротив Нели и держал на коленях карту, для удобства подложив под нее общий дневник. Рядом с ним устроилась Люся и штопала разорванные бахилы.

— Глеб с Юркой как раз пошли на перевал смотреть, что там творится, — добавила она, не смотря на Нелю.

То, что эта загадка прояснилась, ее совсем не успокоило. Глеб сам позвал Юру с собой, чтобы поговорить? Спросить совета? Отчего-то было так тревожно от мысли, что они ушли вдвоем. Наверное, смешалось все это: вчерашние тяжелые разговоры, ужасная метель, чувство вины…

Вернулся Рустик, подкинул в огонь больше веток и повесил котелок, чтобы растопить снег. А из палатки к ним тем временем спешил Броня с каким-то листком бумаги в руках. Неля испугалась было, что он опять начнет докапываться до нее и подозревать в тяжелой болезни, но Толя громко крикнул, еще не дойдя до них:

— У кого карандаш?

— Держи.

Коля взял свой, замахнулся и бросил его Толе. Карандаш благополучно пролетел над головой Броневского и утонул в сугробе.

— Ну ты и свинья, Норкин! — заругался Броня, нагибаясь и шаря голой рукой в снегу. — Я тебе это припомню, не волнуйся…

— Да? Подрежешь на склоне?

Толя обиженно замолчал, снова вспомнив тот дурацкий случай с падением. Нашел карандаш, молча подошел к костру и сел между Рустиком и Васей. Затем достал листок, и на его лице снова расплылась широкая улыбка.

— Ребят, смотрите…

Неля тоже вытянула шею, чтобы узнать, что там у них, но Толя заметил и мигом закрыл от нее лист.

— Нет-нет, Васенка! Это будет сюрприз! Давай, ешь свою кашу, а то тебя ветром сдует.

Слушая бормотание и смешки мальчишек рядом, Неля смотрела в огонь и без аппетита доедала остывшую порцию. Она то и дело поднимала глаза и смотрела в сторону перевала, но ни Глеб, ни Юра так и не появились. А вдруг они попали в беду? Или заплутали, как вчера…

Неля перевела взгляд на парочку напротив себя и коротко улыбнулась. Коля, позабыв про Броневского, что-то тихо-тихо рассказывал Люське, прислонившись к ее плечу. Та продолжала штопку, но похихикивала, а затем слегка толкнула Норкина локтем.

— Хватит выдумывать!

— Да чтоб мне провалиться!..

— А, ну и пожалуйста!

Люся резко отсела в сторону. Норкин начал терять равновесие, и Коломийцева услужливо спихнула его в сугроб.

— Я же говорила, что неправда!

Неле пришлось почти закрыться тарелкой, чтобы подруга не увидела, как она смеется. Некоторые вещи никогда не поменяются.

— О, Юрка. Как раз к чаю, садись.

Неля поспешно убрала миску и увидела, как к ним неторопливо подходит Дорошенко. Руки в карманах, шапка-ушанка надета криво, а лицо кажется угрюмым. Неля отвела от него взгляд и поспешила помочь Люсе с чаем, только чтобы не смотреть на него. До чего гадко вчера вышло с этим разговором! Как они теперь будут дальше в походе?

— Что с тобой? — буркнул Юра, дойдя до них и заметив Колю в снегу. — Помочь?

— Благодарю, но мне и тут хорошо.

Юра поджал губы, досадуя на себя за то, что опять не понимает, что творится в группе и чувствуя себя дураком из-за всего этого. Аккуратно обошел Норкина и сел на его место, оказавшись сразу напротив Нели.

— Ну что там, Юр? — Люся бойко перемешивала чай и ни на кого не смотрела, а Неле так хотелось подать ей какой-нибудь знак, чтобы она взяла Дорошенко на себя! — Идти можно?

— Можно, но тяжело будет.

К Неле подсел Норкин, смахивая с колен снег. Она помогла ему отряхнуть штормовку со спины — что угодно, только бы не смотреть на Юру.

— «Парни, парни, это в наших силах»... — пропела Люся и принялась раздавать кружки.

Юра в это время заметил импровизированный «писательский кружок».

— Вы что, письмо готовите? Или кроки разобрать не можете?

— С картой порядок! — гаркнул Коля, не поняв, о чем разговор.

Броня глянул на Юру, но лишь хихикнул и отмахнулся от него.

— Вы сидите-сидите, на нас внимания не обращайте. Предупредите только, как выходить начнем.

А Вася многозначно подмигнул.

Юра вздохнул, решив оставить все как есть, и признать, что он просто часто все пропускает и потому остается не в курсе. Неля почувствовала его взгляд на себе, но он быстро отвел глаза.

— Осторожно, горячо.

Ароматный черный чай разлился в кружки, по кругу пустили мешок с сухарями. Долгоиграющие барбариски закончились еще на самом первом лесном привале.

Глеб так и не пришел.

Убедившись, что Люся занята тем, что пыталась выяснить у Рустика, о чем они пишут, Неля пододвинулась к Норкину и тихо спросила:

— Я еще вчера хотела, но не успела… Люся сильно ударилась? Она мне ничего не говорит, но, может, она передала Глебу, и мы сегодня останемся здесь… ты не знаешь?

Плевать на этот контрольный срок — если Глеб не хочет снова вести группу в такую ужасную погоду, то, быть может, у них есть причина задержаться еще немного? Или вовсе повернуть назад. А что в этом такого? Глеб сам говорил, что никогда и ни за что не пойдет на риск.

— Нос разбила, — пробормотал Коля, не смотря ни на нее, ни на Люську. — Кровище вот так пятнами было вокруг. Сдрейфила. Но это не серьезно, из-за такого никто не станет устраивать дневку. Ты боишься дальше идти?

Неля крепче прижала ладони к горячей кружке и держала так до тех пор, пока не стало больно. Только после этого ответила:

— А если сегодня кто-нибудь опять отстанет? Покалечится? Я знаю, Глеб тоже об этом думает. Он не станет рисковать понапрасну…

— Хо! Гляньте, кто проснулся! Нелли, мы уже шестой день только и делаем, что рискуем. Мы еще в первый день, едва попрощавшись с Сашкой, могли тут же провалиться в ущелье или реку, и наши трупы бы там до сих пор полоскались. Что, прикажешь драпать?

Неля уже пожалела, что спросила его об этом. При этом она почти завидовала бесстрашию и спокойствию ребят и желала иметь хотя бы крупицу этой бравады. Тогда в голове не было бы этих глупых мыслей.

— Я просто переживаю за нас, — едва слышно ответила она и отодвинулась от Коли.

Она заметила на себе прямой взгляд Юры, но лишь ниже опустила голову, боясь поднять на него глаза. Дурочка-дурочка-дурочка! Нужно что-то решать с этим, им еще две недели в этом походе идти вместе!

— Какие люди пожаловали! — в притворном удивлении воскликнула Люся, и Неля подняла голову. — Садитесь, пожалуйста, товарищ начальник!

Но Глеб не стал присаживаться. Молча стоял, смотря вниз, на костер, и складка между его бровями темнела резкой чертой. У Нели засосало под ложечкой, пока она наблюдала за ним и пыталась понять, что он хочет сказать. Они поворачивают домой? Или продолжают путь?

— Ребята, послушайте меня, — наконец заговорил он, и стало тихо-тихо — только слышно, как далеко в стороне завывал ветер. — Я долго думал, как нам лучше поступить. Погода на перевале разыгралась еще хуже, чем вчера, видимость — метра два, не больше, снег оледенел, и заново прокладывать лыжню будет очень тяжело. Судя по всему, буран вряд ли успокоится в ближайшее время…

— Глеб, да не тяни, — не выдержал Юра, — говори, как есть.

Неле стало еще тревожнее, поняв, что Дорошенко уже обо всем знает. Мог ли он повлиять на решение Глеба?

Сосновский почти с усилием заставил себя сделать глубокий вдох, чтобы сказать:

— В общем, я предлагаю повернуть назад.

Что тут началось! Неля не успела обрадоваться, как Люся и Коля вскочили на ноги и загалдели наперебой:

— Здрасте! А поход без Раупа нам зачтут?

— Мы что, зря топали все это время?

Неля подергала Норкина за рукав, пытаясь снова усадить рядом с собой, а тем временем поднялся Вадим, высокий и прямой как скала.

— Так дела не делаются. Помнишь, что было на Кавказе два года назад? Напомню, когда мы спускались…

— Тихо! — рявкнул Глеб, и все голоса сразу смолкли. — Ребята, я знаю, как вы расстроены, но я все обдумал. Идти на осознанный риск — все равно, что делать операцию с закрытыми глазами. Погода плохая, место опасное. Мы и вчера не смогли добраться до Раупа, а сегодня ветер стал еще сильнее…

— Хочешь сказать, — перебил его Норкин, — что мы не справимся? Ты сомневаешься в нас? Не доверяешь, так получается?

Неля снова потянула его за штормовку, но Коля выдернул руку.

— Пожалуйста, сядь, — прошептала она.

Глеб выдержал его взгляд.

— Я этого не говорил. Ты сам не понимаешь, чем это может быть чревато? Мы вчера и так едва не потеряли Люсю…

— Значит, все из-за меня? — взвизгнула она, и Глеб не смог договорить. — Ты не хочешь идти из-за меня? Это… это…

Люся не нашла слов. Обиженно всхлипнула, растолкала Рустика и Шакунова и бросилась к палатке. Неля поднялась, собираясь вернуть ее, но Коля выругался и побежал следом. Возле костра сразу стало намного тише. Глеб медленно опустился на бревно и потер глаза.

— Я и сам против этого, — спокойнее продолжил он, — но как руководитель группы я не могу подвергать вас такой опасности. Нам придется вернуться, и это уже не от нас зависит.

К нему подошел Постырь, который скромно молчал все это время.

— Обожди, не спеши. Вернуться мы всегда успеем. Не лучше ли посмотреть до вечера, как будет погода? До захода еще уйма времени. Может, еще успокоится.

— Действительно, Глеб, — Броня хлопнул Васю по плечу, — послушай умного человека. До обеда точно останемся, а там посмотрим.

Глеб не мог не согласиться. Васенка наблюдала за ним, понимая, что он бы предпочел не терять времени, потому что не ясно, как дорога на Малике, и если им уходить тем же маршрутом, то еще можно найти лыжню. Но ребята были так расстроены. Возможно, Глеб боялся, что группа вовсе перестанет его слушать. Это было бы ужасно.

Решив вопрос, ребята разбрелись, больше не общаясь друг с другом. Неля собиралась было найти обиженную Люську, но быстро вспомнила, что с ней сейчас был Коля. Ее поддержка подруге больше не нужна. Но нужна ли она Глебу?

Он так и сидел перед костром, смотря в огонь, и его светлые брови слегка подрагивали, сведенные вместе. Неля почти видела, как в его мыслях разворачивались планы маршрута, сроки, рельеф гор, скорость ветра и температура… Лучше сейчас не отвлекать его.

Неля села читать общий дневник. Парни решили пока разжечь костер поярче и отправились в лес, разобрав топоры и ножи. У огня остались Неля, Глеб, Рустик и Вадим. Через несколько минут к ним вернулась более спокойная Люся и поинтересовалась:

— Ну что, когда уходим? А где все?

— Решили подождать до обеда, — отозвался Рустик, что-то чиркая в бумаге, которую ему оставил Броня. — Может, все-таки поднимемся на Рауп, черт его побери.

Глеб поднял голову, посмотрев на Люсю, но ничего не сказал. Не стал извиняться.

Чуть погодя пришел и Коля. Остановился, руки в карманах, глаза сощурены, с губ так и готово сорваться презрительное «чмо». Неля краем глаза следила за ним, понимая, что кто и может высказать прямым текстом, что на уме у всей группы, так это он. Но Норкин промолчал. Потоптался вокруг, не находя себе места, и не выдержал:

— А лабаз? Хотя бы лабаз мы будем сейчас закладывать? И так полдня насмарку…

Неля перевела взгляд на Глеба. Но он ничего не стал отвечать. Отрывистыми движениями что-то перечеркивал на карте и ни на кого не смотрел.

***

«Почти невероятно, что пишу это, но мы сейчас у подножия Раупа!

Вопреки нашим надеждам, погода не стала лучше. Но Глеб уже был на взводе от того, что мы и так до обеда сидели и пинали балду, и вся группа на него была зла. Ну и, конечно, он боялся, что ребята назовут его трусом. Я не сказала ему об этом, ничего не сказала о том, что он начальник и лучше знает, как поступить. И вот ему пришлось идти наперекор своему решению.

Но все обошлось благополучно. Мы не заплутали в метели, никого не потеряли по дороге. Замерзли и устали, это конечно, но зато снова идем вперед, и настроение у ребят стало намного…

Не успеваю дописать фразу, как с улицы слышу какие-то злые крики. Выскакиваю из палатки, готовясь встретиться с разъяренными манси, которым не понравилось место для нашей ночевки, или охотниками, которым мы могли помешать. Или еще бог знает с кем. Но все оказалось куда прозаичнее.

— …это нарушение закона сохранения энергии! А разность…

— …но если учесть, что взаимодействие произойдет за очень короткий промежуток времени…

— О! С тобой вообще невозможно разговаривать!

Вадик так злится, что к нему страшно подходить. Броня наоборот спокоен, ему как будто даже нравится дразнить Шакунова. То, что я считала гневом людей, готовых прогнать нас отсюда, оказалось всего лишь научным спором наших мальчишек. Я едва сдерживаю улыбку и ухожу обратно в палатку.

Люся заканчивает с приготовлением ужина. Он у нас сегодня сухой и едва теплый: корейка, сухари и немного какао, оставшегося с обеда. Я почему-то вспоминаю мандарин, который мы подарили Юре Дорошенко, и какое ощущение праздника и домашнего уюта смогла принести эта крошечная долька. Увы и ах, но теперь мандаринами мы сможем насладиться лишь когда вернемся в Свердловск.

Сам Юра тоже здесь, рядом с Васей. Они негромко разговаривают, а затем Дорошенко поворачивается к Рустику и просит у него мандолину. Ну хоть кто-то не болтает о физике. Неужели нас ждет концерт?

Я все шучу и шучу, а сама так и не говорила с Юркой больше и не знаю, смогу ли…

В палатку заползают Вадим и Броня. Они больше не ссорятся, Толя вовсе улыбается, но Шакунов по-прежнему выглядит сердитым и пыхтит как ежик. Он и с преподавателями в вузе спорит, и с

ребятами с других факультетов, может быть, и со своей женой тоже. Вадиму вечно нужно что-то кому-то доказывать, отстаивать свою точку зрения. Его не зря прозвали флегматиком — обычно он спокоен как скала. Но заикнитесь о физике, и Шакунов покажет свое настоящее лицо.

— Печку будем ставить? — спрашивает в это время Броня, дыша на покрасневшие пальцы

— Без печки никак, — соглашается Глеб. — Холодно тут. Но нужно в оба следить за ней, а то будет нам «горячая ночевка». Коля, подежуришь?

— Так точно.

— И я могу, — вдруг подал голос Вася и даже руку приподнял, чтобы его заметили. — А то вы все со мной как с дорогим гостем обходитесь, я еще ни разу не дежурил.

Рустик усмехается и хлопает Постыря по плечу.

— Да не расстраивайся, у нас еще две недели впереди. Успеется.

В палатке сумрачно — свет от фонаря слабый, ненадежный, а печку еще не разожгли. По тенту гуляет ветер, тени скользят, скрывая лица ребят, и мне кажется, что мы оказались в какой-то пещере. Точно древний человек, скрывающийся от непогоды в землянке, сидит возле огня и рисует на стенах свои приключения.

У нас тоже нашлось двое художников: Броня и Рустик до сих пор носятся со своим листком как с писаной торбой и никому не показывают. Воображалы!

Многие заканчивают переодеваться ко сну, а я не спешу. Дежурные тоже тепло одеты, и время от времени выходят из палатки, чтобы счистить снег. Шакунов переживал, что к утру мы вовсе не выкопаемся из этой ямки, вот Коля с Васей и бегают туда-сюда, чтобы он не ворчал.

— Товарищи туристы, — неожиданно восклицает Броня, — прошу минутку вашего внимания!

Я перевожу на него взгляд, и карандаш выпадает из моих пальцев.»

О тех, кто отстает

— Мы тут с Рустиком и Васей составили первый и единственный в мире боевой листок «Вечерний Рауп!»

Ребята хохмят и ведут себя так, словно мы сидим у кого-то в гостях или в парке, или в спортивном клубе УПИ. Как будто не среди диких гор, среди снега и холода, за несколько десятков километров от остальных людей. Я прилежно записываю их шуточки, будто они лекцию зачитывают, только чтобы не думать о том, как всё это страшно.

— Для начала о последних новинках техники. Представляем вам туристские сани «Запасным лыжам — новая жизнь». Идеальны для поездки в автомобиле, поезде или самолете. Для перевозки груза по снегу крайне не рекомендуются. За приобретением обращаться к изобретателю, товарищу Шакунову!

Смешки, бурные аплодисменты. Вадик хмуро кивает направо и налево, а затем отмахивается рукой и бубнит под нос:

— Я ж хотел как лучше… Я ж для вас старался…

Глеб ободряюще хлопает его по плечу, и Вадим наконец улыбается, приняв шутку. А наши журналисты только начали.

— Важное объявление! В палаточной аудитории можно прослушать лекцию «Туризм и чуйства». Проводится каждый вечер, перед сном. Читают профессор Норкин и аспирант сердечных наук Коломийцева!

Мне страшно от того, что это будет последнее объявление шутников. Мой карандаш дрожит, когда я записываю это, и я не смотрю на ребят, но прекрасно слышу, как громко начинает возмущаться Люська: «Перестаньте смеяться! Броня! Как тебе не стыдно подслушивать чужие разговоры! И вообще, тут ничего такого нет! Хватит смеяться, дураки!..» Я поднимаю глаза и вижу, как Люся

пытается выхватить у Рустика листок, а Коля лежит на животе и хохочет, наклонив голову к полу палатки. Броня перехватывает свое творение и быстро начинает зачитывать следующую повестку:

— В это время дуэт физиков-недоучек установила новый мировой рекорд по сборке печки! Всего за один час, девять минут, пять целых и девять десятой секунды походная печка была установлена, а группа спасена от замерзания. Рекордсмены: товарищи Дорошенко и Васенина!

Я даже это записываю сюда, но буквы такие кривые, что вряд ли можно разобрать слова. Юра добродушно фыркает и начинает оправдываться тем, что вчера все устали с дороги, и мы долго разговаривали, а щепка отсырела и все в таком духе. Но вряд ли его кто-то слушает.

— А теперь к новостям науки, — перекрикивает Юру Рустик. — В последнее время ученые всех стран задаются вопро

Я не могу больше!

Штрихи от простого карандаша. На этом записи заканчиваются.

***

Неля не могла дождаться, когда мальчишки зачитают новость о том, что в районе Раупа можно найти свою смерть. Не владея собой, она вскочила на ноги и бросилась к выходу из палатки. Окунуться в морозный, чистый воздух, чтобы вся дурь из головы выветрилась. Чтобы понять, что это по-настоящему, это не один из ее глупых, страшных снов.

Возле самого входа ее перехватил Глеб. Схватил за руку и с силой притянул к себе.

— Неля! Неля! Что случилось? Тебе плохо? Голова кружится?

У нее не кружилась голова, но ей казалось, будто она задыхается. Что весь снег с горы уже навалился на нее, вдавливая в настил палатки, выбивая остатки воздуха из легких и ломая ребра и позвоночник.

Глеб схватил чью-то ветровку, накинул ей на плечи, на голову натянул шапочку.

— Пойдем-пойдем, успокойся. Держись за меня.

— Васенка! — запоздало прокричала ей Люська, и Неля напоследок оглянулась, уже выводимая Сосновским из палатки. — Что с тобой?

Люся сидела рядом с Постырем, в самом дальнем конце палатки. На ее лице больше не было ни злости, ни обиды, ни смущения. Только неподдельное волнение за подругу. Неля успела подумать о том, что все расскажет ей. Когда они вернутся домой.

Свежий воздух резанул по горлу. Ветер швырнул в лицо горсть снежной крупы, подергал за пряди волос. В носу сразу закололо, а щеки потеплели.

Неля и Глеб стояли у палатки и смотрели вниз. Там, сквозь вьюгу, виднелся черный лес, через который они проходили, когда поднимались сюда. Где-то в паре километров отсюда их дожидался лабаз. Как обещание того, что они вернутся.

— Ну, как ты? Лучше?

Глеб почти не щурился и не морщился от ветра и снега. Его серо-зеленые глаза изучали лицо Нели, и в них словно пробегала рябь. Это уже не были ледяные озера спокойствия. Он пытался понять, что ее так встревожило.

Неля приоткрыла рот, но смогла лишь выдохнуть. Только сейчас она заметила, что Сосновский выскочил из палатки в одном свитере, как и собирался ложиться спать, не успев набросить на

себя штормовку или ковбойку. Снег летел и бил его по голой шее, забивался за ворот кофты.

— Да, мне уже лучше, — наконец пролепетала Васенка. — Пойдем, замерзнешь…

Она шагнула обратно к палатке, но Глеб остановил ее, мягко взяв за плечи.

— Неля, на тебе лица нет. Что происходит? Чего ты боишься?

Было приятно, что он смотрит на нее так открыто и так внимательно, что он держит ее теплыми, крепкими руками. Неля едва не улыбнулась. Она пододвинулась к нему ближе и решила выдать все, как есть.

Расскажет, и все страхи как рукой снимет.

— Мне просто кажется…

Но Глеб не услышал этих слов.

В эту же секунду за его спиной гора пришла в движение, и палатка исчезла в снегу.

Доли секунды осознавания.

Три секунды, чтобы добраться до завала.

— Ребята! Ребята!

Неполный вдох.

Голые руки, погруженные в рыхлый снег.

Холод.

— Быстро наружу! Слышите?! Режьте скат!

Несколько раз быстро моргнуть, чтобы смахнуть с ресниц снег. Смахнуть снег и понять, что это на самом деле случилось.

Вход палатки завален — из огромного сугроба торчал только скат, обращенный к лесу. Ветер завывал Неле в уши, а ей казалось, что это стоны и крики друзей.

Прошло несколько секунд, но по ощущениям, будто долгие-долгие минуты, за которые уже всё было потеряно. Из брезента

палатки вырвался клинок ножа, дернулся, исчез, прорвал палатку в другом месте. Глеб смог помочь, лишь когда появился надрез. Он со всей силы потянул, раздирая старую ткань, затем схватил за руку Броню, помогая выбраться. Неля подбежала к Толе, когда он оказался на снегу — ошарашенный, напуганный, с поцарапанными руками.

— Что это было? — крикнул он, оборачиваясь к горе. — Чем нас так?..

Глеб помогал выйти из заваленной палатки остальным ребятам. Все они были живы и здоровы — растерянные и напуганные, но невредимые. Неля следила за горой, но из-за метели было сложно сказать, движется по ней еще одна лавина или нет. Ветер сбивал с ног, и она ближе склонилась к Толе.

— Осторожно-осторожно!

— Здесь держи!

— Вот так.

Неля услышала стон, хныканье. Опустила глаза и увидела, как парни осторожно вытаскивают из палатки Люсю.

— Тише-тише.

— На снег опускайте.

Вся фигурка Коломийцевой была скомкана вместе, локти прижаты к бокам, а руки к груди. Ее медленно опустили на снег, Коля Норкин сел рядом, и Люся привалилась к нему всем телом, запрокинула голову на плечо. Неля поспешила к ней, от страха едва чувствуя ноги.

— Люсенька! Что с тобой?

— Кажется, ребро сломано, — сквозь зубы ответил Коля, одной рукой придерживая Коломийцеву, а другой убирая с ее лица растрепанные волосы.

Люся жмурилась и кривила губы от боли, силилась сделать вдох через рот, но могла лишь коротко всхлипывать.

— Чем… чем нас… так?

— Снежная доска. — Рядом стоял Вася, выпрямившись во весь рост, несмотря на ветер. — Видно, мы подрезали настил, когда рыли яму под стоянку. И он сошел на нас.

Глеб и ребята в это время пытались откопать палатку. Хотя бы добраться до теплых вещей, оставшихся внутри. Когда Рустик уже почти забрался внутрь через прорез, невидимый в метели оползень сошел на палатку во второй раз.

— Рустик!

— Быстро назад! Назад!

Слободина мигом вытянули обратно, но он упал на спину, не удержав равновесие. Глеб обернулся, и у Нели больно екнуло, когда она увидела, до чего ему страшно.

Две секунды на принятие решения.

— Здесь оставаться нельзя! Нужно спускаться! — крикнул он сквозь ветер. — Идем к лесу!

— Ты уверен? — прокричал в ответ Вадик, помогая Рустему подняться. — Может, попробуем откопаться?..

— Ты не видишь, что может сойти следующая лавина? — набросился на него Глеб. — Пока будем копать, то точно замерзнем. Идем вниз! Следим друг за другом! Коля! Юра! Возьмите Люсю!

Неля пошла было к нему, но Глеб в это время повернулся к Рустику, который держался за ушибленную голову. Наверное, спрашивал, как он, затем обернулся и махнул рукой, приказывая всем идти.

Коля и Дорошенко, как самые сильные, подняли Люсю и, почти держа ее на весу, повели вниз. Неля пристроилась рядом с ними, следя за подругой. Напоследок она обернулась на палатку и вдруг

тоже спросила себя, не совершают ли они ошибку, уходя от лагеря. Но в следующую минуту ее ослепила вьюга, и черный бок палатки в снегу пропал.

***

Идти было сложно, если не сказать невозможно. Ветер сбивал с ног, а там внизу, в застывшем снегу поджидали острые камни. В темноте и метели было едва видно границу леса, и все старались больше смотреть себе под ноги. Но это помогало мало, то и дело кто-нибудь спотыкался или поскальзывался и падал.

Неля обернулась, чтобы поискать взглядом Глеба, но споткнулась об острый камень, сбив пальцы на ногах в кровь. Удачно упала на бок, немного ободравшись. Не успела подняться сама, как до нее добрался Броня и помог встать.

— Давай-давай, немного осталось! — бодро подбадривал он, а Неля видела, какими круглыми были его глаза от страха. — Держись за меня.

Близость Брони давала обманчивую иллюзию, что теперь ей будет легче идти. Когда через несколько метров сам Броневский поскользнулся и упал, Неля едва не полетела вместе с ним.

Ожидая, когда он встанет, она быстро огляделась по сторонам, пытаясь понять, все ли здесь.

Ребята шли шеренгой, кто по одиночке, кто держась друг за друга. Коля и Юра по-прежнему несли Люсю, и Неля слегка успокоилась, зная, что она в надежных руках. Время от времени Постырь кричал, указывая направление к лесу. А позади всех отстали две фигуры.

— Иди, я догоню! — крикнула Неля Толе, а сама поспешила обратно, навстречу ветру, жмурясь и не в силах сделать вдох.

Глеб вместе с Рустиком отстал, и группа, потеряв его, ушла вперед. Неля брела к ним через ветер как будто сквозь воду, с

трудом делая каждый шаг, сражаясь за каждый глоток ледяного воздуха, что царапал ей легкие.

— Глеб! — прокричала она. — Глеб!

Он увидел ее, вырвался вперед, и Неля почувствовала его замерзшие руки на своих.

— Рустик ударился, — прокричал он. — Я с ним иду. Не жди нас! Встретимся внизу!

Она отчаянно покачала головой, показывая, что ни за что не бросит его, что она переживает за него, и за Слободина тоже, что они должны идти все вместе, как он и наказывал.

— Я тебя не… — начала она, но Глеб крепче сжал ее за руки, хотя его пальцы уже едва сгибались.

— Неля! Не бойся! Иди, я догоню.

Что значит «иди»? Как можно «иди», оставляя, бросая их? Неля крепче сжала пальцы, намертво сцепляя, приморáживая их с пальцами Глеба. Она справится с чем угодно, если только он будет рядом с ней.

— Глеб, я не…

Негнущимися, холодными руками Глеб притянул ее к себе. Обхватил, на пару секунд прижав к твердой груди. Едва уловимое, теплое дыхание коснулось ее шеи. Холодные, каменные пальцы прошли через ее волосы.

— Даю слово, все будет хорошо, — повторил он, почти касаясь губами ее уха. — Иди к остальным. Мы догоним. Всё будет хорошо, Неля. Я скоро вернусь к тебе.

Вряд ли этот разговор занял и половину минуты, но Неле показалось, будто прошло много-много времени. Что исчезли ребята, исчезла страшная лавина, стих ветер. Был только Глеб и его руки вокруг нее.

Поэтому Неля поверила ему. Поддалась. Она увидела сгорбленного Рустика за спиной Сосновского, обернулась и увидела ребят, которые ушли на несколько десятков метров вперед. Вспомнила про Люсю с ее сломанным ребром. Сейчас нет времени на чувства и сомнения. Она обязана выполнять приказы командира группы, как и все они.

— Буду ждать тебя внизу! — на одном дыхании выпалила она.

Быстро развернулась, чтобы не передумать, чтобы не засомневаться, чтобы не остаться с ним несмотря ни за что. А ветер услужливо подтолкнул ее в спину, отгоняя прочь от Глеба и Рустика.

Не оглядываясь, она шла вниз, к лесу, и ей казалось, что Глеб идет рядом с ней.

В лесочке было немного спокойнее — по крайней мере, уже не так сильно ревело, и можно было не кричать. В первые секунды, как Неля добралась сюда, она почти ничего не видела из-за снега на ресницах. Остановилась возле первого дерева, без сил привалившись к нему плечом, а затем оглянулась. За ней по пятам шли две фигуры: одна придерживала другую.

Неля вздохнула с облегчением и поспешила к ним, чтобы помочь Глебу довести Рустика. Значит, ей это не показалось, они в самом деле шли совсем рядом с ней, и теперь они тут все вместе…

— Неля? Вот так придержи его под локоть, а то он сейчас упадет!..

Не Глеб и не Рустик. Высокий Вадим сгорбился и почти тащил на себе Норкина, который обмяк и не подавал никаких признаков жизни. Его голову придерживало плечо Шакунова, руки висели как плети и было невозможно представить, что еще минуту назад он крепко держал на весу Люсю и шел вперед так, словно никакой метели, никаких острых гряд камней не существовало вовсе.

— Что с ним? — перепугалась Неля, подхватив Колю под руку.

— Упал и кажется голову разбил. Не знаю. Он без сознания.

Неле казалось, что это не голос Шакунова, что это злой ветер выл ей в уши, пугая все больше и больше. Им был нужен Коля! У них и без того двое раненых, Глеб отстал, а Норкин был сильным, он за двоих смог бы работать, чтобы помочь всем. Кто-кто, а он не мог вот так глупо упасть и разбиться! Не мог!..

Под кедром плясал слабый огонек. Юра Дорошенко изо всех сил защищал его руками от ветра, голыми пальцами убирал снег и ближе сдвигал тонкие, хрупкие веточки. Он обернулся к ним, и Неля почти вслух поблагодарил за то, каким спокойным был его взгляд, как он старался держаться. Правда, когда он увидел, как Вадим опустил бесчувственное тело Норкина на снег, то все же поменялся в лице.

— Что, Коля тоже? — отрывисто спросил он, не отрываясь смотря на них и забыв про огонь. — У нас Вася еще… Уже здесь, возле самого леса упал…

Неля сама не замечала, как качает головой, не веря в происходящее. Люся, Рустик, Коля, Вася… этого не могло быть! Слишком много людей, этого просто не могло быть! Ведь они все такие сильные, такие опытные ребята, как подобное вообще могло произойти с ними?

«Это кошмарный сон, слишком реальный, но все-таки один из твоих кошмаров.»

Неля даже глаза прикрыла, стараясь вызвать в голове это чувство нереальности происходящего, убедиться, что спит, а затем наконец-то открыть глаза.

Это все не взаправду…

— Коля! Что с ним? Он ранен?..

Это с ними не на самом деле происходит…

— Где Глеб?

— Они с Рустемом где-то отстали…

— Глеб! Рустик!..

Сейчас она откроет глаза, и…

— Неля! Не спи! Нельзя спать!

Броня со всей силы потряс ее за плечи, и она едва не потеряла равновесие. Распахнула глаза, но ужасное настоящее не перестало быть настоящим. И она не проснулась.

От страха хотелось кричать.

— Помоги Люсе, — Толя слегка похлопал ее по руке, привлекая внимание. — Мы пока костром займемся. Ты не видела Глеба? Где он?..

Неля не могла ответить ему. Заторможенная, обескураженная, она медленно подошла к Люсе и опустилась возле нее на снег. Коломийцеву уложили возле дерева, прислонив к нему, и она дышала часто, короткими глотками, держа одну руку у груди. Второй она слабо теребила за плечо Норкина, который лежал рядом. Коля не двигался, не открывал глаз, и Неля не могла поверить, что они все остались без его помощи и поддержки в тот самый момент, когда они были жизненно нужны.

Она заметила, что у него из носа идет кровь, и неосознанно начала искать платок. Замерзшие руки, не разгибаясь, шоркали и шоркали по закрытому карману штормовки, а Неля никак не могла очнуться, вырваться из оцепенения и понять, что это все на самом деле происходит. Она не сможет по-настоящему открыть глаза и обнаружить себя в сухой и теплой палатке.

— Васенка, — едва слышно прошептала Люся, и она очнулась, — что с ним? Почему он не встает?

Наконец достав платок, Неля потянулась и начала вытирать кровь с лица парня. Другой рукой она пощупала его шею. Пульс

был, хоть и слабый. Может, он просто слегка ударился? Был бы у них с собой нашатырь…

— Васенка, как он?

— С ним всё хорошо, он скоро очнется, — она сама удивилась тому, как спокойно и уверенно прозвучал ее голос. — Люсь, тебе нужно перевязать грудь, лучше станет. Подожди чуть-чуть…

Она рывком подняла себя со снега и обернулась. Раз она не ранена, тепло одета, то должна сделать все, чтобы помочь своим товарищам. Глеб ждал от нее именно этого.

Юра искал в снегу валежник, а Броня забрался на нижние ветки кедра и пытался отломить самые сухие из них. С Васей был Вадим, но он быстро поднялся и крикнул:

— Ребята! Нужно идти к лабазу, там теплые вещи и лыжи! Разделимся!

— Нет! — басом прокричал в ответ Дорошенко. — Давайте дождемся Глеба и Рустема!

Неля была бы рада согласиться с ним, но она понимала Вадима. У них трое раненых на руках. Им нужны теплые вещи и помощь. На счету каждая минута.

— Мы не можем ждать! — жестко оборвал его Шакунов. — Толя! Пойдешь со мной к лабазу. Мы быстро, это не так далеко. Неля! Побудь с Васей и Люсей. Юрка! Следи за огнем. Мы скоро.

Быстрым, уверенным шагом, пока никто не остановил его, Вадим направился прочь из леса. Броня, спрыгнув с кедра, поспешил за ним, по колено проваливаясь в снег. Юра остался стоять, забыв про костер, смотря им вслед до тех пор, пока ребята не пропали в метели.

Неля обернулась к Люсе, быстро вспомнила, что нужен нож, и подошла к Юре.

— У тебя финка? — она порадовалась, что голос не подводил ее, и она держалась молодцом, как будто не с ней весь этот кошмар происходил.

— Нет, у Брони.

Юра заглянул ей в глаза, и Неле показалось, чтобы она бы сейчас все отдала за то, чтобы вернуть время вспять и снова оказаться с Дорошенко у печки в палатке, когда он задал тот неудобный вопрос…

— Зачем тебе?

Она расстегнула штормовку и взялась руками за край ковбойки.

— Отрезать, чтобы Люсе повязку наложить. И Васе тоже надо.

— Толя уже перебинтовал его.

Юра вдруг совсем близко подошел к ней и протянул руки, как будто собираясь обнять. Еще на пару секунд их глаза снова встретились, и у Нели ком встал в горле.

— Стой смирно.

Он пощупал телогрейку, а затем резким движением оторвал край. Неля слегка вздрогнула от рывка, но благодарно кивнула.

— Спасибо, Юр.

— Ты пока Люсе помоги, а я Васю поближе к огню перетащу. Коля не очнулся?

— Нет…

Было сложно, невозможно поверить, что из пятерых они остались вдвоем, кто не был ранен или обморожен. Неля вернулась к Люсе, осторожно расстегнула на ней штормовку, чтобы наложить повязку. Но едва она прикоснулась к ее телу, как Коломийцева дернулась и вскрикнула.

— Больно! Так больно, я не могу… не могу дышать…

— Люсенька, потерпи чуть-чуть, — заворковала Неля, медленно, осторожно обматывая ее грудь тканью. — Тебе получше станет. Чуть-чуть еще потерпи…

Обычно это Люся была той, кто поддерживал ее, несмотря ни на что. Кто шутками-прибаутками отгонял ее от мрачных и страшных мыслей, кто старался веселить и отвлечь, даже когда было очень страшно и больно. Люсе куда легче было успокоить и развеселить всю группу разом, чем страдать самой. Страдать и делать вид, что с ней все в порядке. Чтобы не обременять других.

— Вспомни, ну вспомни, как тебе ногу прострелили, — тараторила Неля, заканчивая накладывать повязку. — И ты даже не пискнула! Ты же такая сильная, Люсенька, потерпи немного. Сейчас Вадик и Броня от лабаза вернутся, а потом Глеб с Рустиком дойдут…

Она отвернулась от подруги, чтобы она не успела увидеть страх и боль в ее глазах, и повернулась к Коле. Он всё лежал в той же позе, как его положили сюда, одетый лучше их всех, потому что был дежурным этой ночью. Он бы непременно что-нибудь придумал сейчас. Отправился бы за Глебом или голыми руками выкопал землянку для них. Неля снова достала из кармана окровавленный платок и начала осторожно ощупывать голову Норкина, собираясь по мере возможностей перевязать ему рану. Может, так ему станет лучше, и он наконец придет в себя? Если бы он только знал, как им нужна его помощь сейчас!

Люся смогла повернуться и взяться за плечо друга. Ее лицо по-прежнему искривляла гримаса боли, и Неля не могла понять, из-за чего больше: из-за ее ребра или Норкина.

— Неля… я уже и звала его, и по щекам била…

— Он просто ударился, — пробормотала она, заледеневшими пальцами натягивая на голову Коли ненадежную повязку. — Скоро

должен в себя прийти. Ты не волнуйся так, он же у нас очень сильный, сейчас отдохнет немного…

Юра в одиночку смог перетащить к огню Постыря и теперь искал в снегу ветки и сухую хвою. Костер быстро догорал, и Вася держал возле него что-то вроде носка или рукавицы, чтобы огонь совсем не потух.

На какой-то миг Дорошенко поднял голову, и Неля увидела, как остекленел его взгляд от страха. Ей резко кольнуло сердце, словно проткнутое ребром. С ними все будет в порядке! Они еще со смехом вспомнят об этом случае в следующем году, где-нибудь на Кавказе или Саянах. Коля покажет шрам на виске, Люська со смехом будет изображать, как она кряхтела и крючилась от боли, а Броня, быть может, продекламирует какой-нибудь стих в тему… Юра отвернулся и еще усерднее принялся разгребать негнущимися руками снег.

— Ребята!

Словно в ответ на свои мысли Неля услышала голос Толи. Он спешил к ним, спотыкаясь и хватаясь руками за стволы деревьев. До чего быстро вернулись! Значит, они не так далеко от лабаза. Может, Шакунов уже на лыжах к палатке едет…

Броня едва не затоптал их костер, а затем быстро припал к нему, почти засовывая заледеневшие руки в огонь. Он постанывал от боли, и его рот жалобно кривился, как будто он пытался что-то сказать, но сам себя удерживал от этого.

На стоянке показался и Вадим, с трудом протаптывая себе дорогу в сугробах. Лыж при нем не было. Теплых вещей тоже. Вообще ничего. Юра, выпрямившись, смотрел на него, жалко держа в руках ветки и забыв про костер. Вася как мог повернулся, чтобы тоже видеть и лучше слышать его.

— Мы пошли в другую сторону, — негромко сказал Вадим и рукой показал куда-то вперед, на гору. — Лабаз с другой стороны перевала. Нам не дойти.

О тех, кто засыпает

Неля смотрела на Вадима, но не могла уловить смысл его слов. Что-то про лабаз, но что с ним, где он — она никак не могла понять.

Вася пошевелился, пытаясь приподняться, чтобы посмотреть на Шакунова. Нелю поразило спокойствие на его лице и одновременно с этим стало больно до рези в носу. Уж лучше бы она сейчас сидела вот так с перебитыми ребрами, от нее все равно никакой пользы. А Вася или Норкин — они бы сейчас смогли дойти до лабаза, где бы он ни был.

— И что тогда делать? — Юра был по-настоящему растерян, поэтому даже не постеснялся такого вопроса. — Куда нам тогда идти? Глеб с Рустемом ведь так и не вернулись.

Он оглянулся на Люсю с Колей. Посмотрел на Васю. А затем ринулся с остервенением ломать ветки у ближайшего куста, хватаясь за них побагровевшими, заледеневшими пальцами. Броня ладонями закрывал крошечный огонек, его плечи дрожали как от рыданий.

— Но… но там овраг, — вдруг снова заговорил Вадим, чувствуя себя виноватым, что принес такие ужасные новости. — Там можно укрыться от ветра. Давайте перенесем туда раненых. А кто-нибудь останется здесь, следить за костром, чтобы Рустик и Глеб смогли выйти к нам.

Это был не самый лучший и дальновидный план, но группе было нужно знать хоть что-то. Знать, что им стоит делать, как спастись. Был бы здесь Глеб — он бы, конечно, придумал нечто грандиозное и верное, сплотил бы их и спас, непременно.

Но Глеба здесь не было.

Оставив возле костра Нелю, Вадим, Броня и Юра втроем принялись за транспортировку раненых. Сначала унесли Колю, который так и не пришел в себя.

Дрожащими, непослушными руками Неля ломала на мелкие кусочки ветки, которые удалось собрать Дорошенко, и по одной подкладывала эти щепки в костер. Огонь слишком быстро пожирал их и по-прежнему был неярким, колышущимся. Как сквозь такую вьюгу его заметят Сосновский и Рустик? Быть может, они уже давно прошли мимо, потому что не увидели его, и теперь бродили черт знает где, замерзая и не зная, где их товарищи.

— Лучше было бы оставить нас с Колей здесь… возле костра, — прохрипел Вася рядом с ней, и Неля повернулась к нему. — Ребята… вы налегке смогли бы дойти до лабаза. Это не так далеко. Вы сможете его найти.

— И бросить вас? И Глеба? Рустика? Нет, Вась, ты что, мы никогда…

— Сейчас нужно спасать тех, кого можно спасти, — жестоко оборвал ее Постырь. — Подумать о себе и тогда… добравшись до одежды и лыж, вы смогли бы вернуться за нами…

Неля едва смогла заставить себя ответить ему — до того онемели ее губы.

— Мы без вас никуда не уйдем. И вообще, Глеб и Рустем вот-вот вернутся. Все будет хорошо!

Но пока вернулись лишь Юра, Броня и Шакунов. Они осторожно взяли на руки Люсю, попросили Нелю пойти с ними. Все вместе они направились к оврагу, оставив Постыря на время одного, следить за огнем. Неля напоследок еще обернулась на его сгорбленную фигуру, тянущуюся к костру, она вспомнила об его словах, но тут же поспешила убедить себя, что Вася был неправ.

Овраг находился не более чем в ста шагах от костра. Не то замерзший ручей, не то высохшее русло, но Шакунов был прав — там, внизу почти не было ветра, и можно было согреться и даже переждать ночь здесь, когда они разведут костер.

Норкин неподвижно лежал, опираясь спиной на склон. Рядом с ним Вадик и Юра осторожно опустили Люсю, а Броня нагнулся и потеребил Колю за плечи.

— Он так и не очнулся? — всхлипнула Люся. — Почему? Почему же?..

Броня шумно выдохнул, а затем резко затряс Колю снова и даже дал ему пощечину.

— Давай, Норкин! Ты должен прийти в себя! Ну же!

Неля скатилась к ним с пригорка и поспешно взяла подругу за руку, пытаясь успокоить, хотя успокоить было невозможно.

— Надо развести огонь, — Юра на коленях ползал по оврагу, пытаясь найти сухостой. — Тогда можно поджечь вату, из телогрейки. Подействует не хуже нашатыря.

— Ох, Юрка, ну ты гений! — прошептал Толя и мигом вскочил на ноги, оставив Колю в покое. — Сейчас перетащим сюда Постыря и сразу костер разведем. Слышишь, Люська? Скоро все хорошо будет.

Дорошенко обернулся к ним, и Неля посмотрела ему в глаза с невыраженной благодарностью за то, что ему удалось поднять всем дух. Вадим в это время огляделся, смотря на возвышенность.

— Вы с Юрой тогда за Васей идите, а я пока валежник натаскаю, чтобы сидеть было не холодно. Нель, побудь с ними, ладно?

Васенина прижалась к Люсе и сжала ее холодные руки между своих замерзших ладоней. Она не сразу поняла, что подруга что-то бормочет, едва шевеля губами. Наклонилась к ее лицу, вслушиваясь в слова.

— ...я больше никогда не буду с ним спорить. Если бы только... если только... он в себя придет...

Вадим сделал плотный настил, и помог на него переползти Люсе. Остатки собрал вместе и усадил на них Нелю, а после этого ушел снова.

Казалась, прошла вечность до тех пор, пока к ним не вернулся Юра Дорошенко. Один.

Он помедлил, а затем спустился к ним в овраг, держа в руках тлеющие головешки и немного сухих веток.

— Вот, сейчас костерок вам тут устроим…

Он суетился, копая яму, затем лег на живот и осторожно принялся раздувать пламя. Неля следила за ним, уже почти перестав соображать, что происходит. И наконец она вспомнила.

— А Вася? Юра, где Вася? Вам нужна помощь?

Юра не отвечал, потом повторил: «Костер вам тут нужен, хороший костер.» Затем выпрямился, смотря на результат своих трудов, и глухо ответил, не поднимая на них глаз:

— Постырь… умер.

Люся громко ахнула и схватилась за больной бок. Неля продолжала смотреть на Юру, надеясь, что он сказал что-то другое. Что угодно, но не это.

— Юра… как же это… Как?

Он не ответил. Развернулся и ушел, выбравшись из оврага. Неля смотрела ему вслед, оглушенная происходящим и не сразу вспомнила, что рядом с ней плакала Люся.

— Это из-за того, что у него ребра сломаны? — прошептала она, и Васенина повернулась к подруге. — У меня… у меня ведь тоже…

Она зарыдала громче и тут же вскрикнула, выгнулась от боли. Неля схватила ее за руки, уже не находя в себе сил на успокаиваю-

щие слова. И ей казалось, что внутри нее тоже что-то ломалось, больно протыкая, царапая, разрываясь на части.

С кем угодно, но только не с ними...

— Они ошиблись, — дрожащим голосом наконец выдавила из себя Неля, скорее, чтобы поддержать себя, чем Люсю. — Они неправильно поняли. Он не мог...

Быстро вспомнив, что предлагал Юра, она подползла к слабому, крошечному огоньку и подняла тлеющую щепку. Потеребила порванный край своей ковбойки и вытащила кусок ваты.

«Горим! Пожар!»

«Чья это красота?»

«До чего хорош!»

Всего пару дней назад они смеялись над сожженной телогрейкой Рустика, фотографировались и дурачились так, словно смерти не существует. Она вернулась к Люсе и Коле, опустилась возле Норкина и поводила куском ваты под его носом. Она до боли закусила нижнюю губу, которая онемела от холода. Если Норкин просто откроет глаза, на время придет в себя — им уже стало бы лучше. Особенно после того, как узнали, что Вася...

Голова парня дернулась, веки вздрогнули, и Неля не сдержала громкий вздох облегчения. Сейчас, сейчас все быстро вернется в норму, раз им удалось привести в себя Колю.

— Коль, ты меня слышишь? — спросила у него Неля, наклонившись ниже. — Как ты?

Он слегка приоткрыл глаза, но она не смогла поймать его взгляд. Губы дернулись, слегка зашевелились. Неля склонилась к нему, пытаясь разобрать, что он говорит.

— Где... мы...

— Мы в овраге, — прошептала Люся и прижалась лбом к его плечу. — Васенка с нами. Только...

Норкин словно не понял, что она сказала. Он с трудом перевел на нее взгляд, попытался шевельнуть рукой. Неля увидела, что у него снова потекла кровь из носа, но решила пока не вмешиваться.

— Поче... Холод... но...

— Ты головой ударился, помнишь? Ребята нам настил сделали, скоро Глеб придет, он что-нибудь придумает, — отчаянно зашептала Люся, и у Нели слезы выступили на глазах. — Коль, пожалуйста, ты только больше не засыпай. Мне так страшно без тебя.

Кровь стекала уже по губам Норкина, но он не делал попытки стереть ее. Его зрачки шевелились, пытаясь сфокусироваться на Люсе, но Неле казалось, что он совсем ее не видел.

Пошла минута ужасной тишины, и Коля захрипел снова.

— Холод... но. Оч...

Уголки губ дрогнули, он попытался сказать что-то еще. Слабое облачко пара скользнуло между его разомкнутых губ и тут же растаяло в воздухе. Глаза застыли, смотря на Люсю. Капля крови стекла с подбородка, зависла, а потом упала на штормовку.

Неля приподнялась. В животе сильно сомкнуло и стало холодно, холодней, чем было снаружи. Захотелось вскочить и броситься из этого чертового оврага как можно дальше, найти Глеба, кинуться в его объятья, зажмурить глаза и поверить, что все это лишь кошмарный сон, и она вот-вот проснется в поезде «Свердловск – Ивдель»...

— Коля? Ты замерз? Что такое?

Люся осторожно потормошила Норкина за плечо, пытаясь встретиться с ним взглядом. Ее нижняя губа задрожала.

— Нель, он опять потерял сознание...

Непослушной, негнущейся, словно не своей рукой Неля дотянулась до шеи Коли. Пальцы надавливали на холодную кожу, пытаясь нащупать пульс, но его не было. Совсем.

— Нель, может, еще раз вату поджечь?..

Неля не могла смотреть на Люсю. Вместо этого обернулась и увидела, что их крошечный, слабый костерок давно потух, потому что никто за ним не следил.

Юра и Толя поддерживали огонь, чтобы их нашли Глеб и Рустем. Вадик искал еловые ветки для настила. А она? Она должна быть вместе с Люсей, стать сильнее, чем она, и дать ей поддержку.

— Люсь, давай я тебе ноги лапником укрою, — сквозь зубы, чтобы не дрожал голос, предложила она и рывком оторвала себя от земли.

Она отвернулась, стараясь не смотреть ни на подругу, ни на Колю и лишь хватала голыми, красными пальцами острые еловые ветки, выдергивая их из-под неподвижного тела Норкина. В горле стоял тяжелый ком, давящий на сердце, из-за которого было невозможно дышать.

Она вернулась к Люсе и попыталась мягко оттеснила ее от Коли, но та из последних сил вцепилась в его штормовку.

— Нет... Я буду рядом с ним, чтобы он не замерз, — прошептала Коломийцева и прижалась лбом к щеке друга.

Неля не стала возражать. Не стала ничего говорить. Накрыла ее ноги валежником, плотнее подтолкнула ветки, а затем села рядом, с другой стороны и мягко обняла, не задевая ей грудь.

Люся дышала тихо, со свистом и часто жмурилась от боли. Неля считала секунды, следя за краем оврага и ожидая, когда вернутся парни.

Лишь через несколько минут до них доковылял Шакунов и бросил на снег валежник.

— Ну, как вы тут? — сипло спросил он и огляделся. — А где огонь?

Неля закусила губу. Это она была во всем виновата! Она должна была следить за их костром, но она так хотела помочь Люсе. И Коле.

— Он потух, — пробормотала она, пытаясь поймать взгляд Вадика. — Но это не...

Она собиралась сказать: «Не самое страшное», но не смогла. Вадик встретился с ней взглядом, и Неля указала глазами на Норкина.

«Он умер», — бесшумно, одними губами произнесла она, потому что — скажи она это вслух, то, кто знает, может Люся не вынесет этого, вслух, и тоже умрет?

Шакунов сглотнул. Покачал головой. Смотрел на нее с надеждой, вроде: «Как Норкин мог умереть?»

Если бы он только не упал там, на склоне, кто знает, может, они бы уже нашли лабаз или...

— Так, ладно, — громко выдохнул Шакунов. — Я побуду с ними. Неля, дойдешь до костра? Там Юра и Броня, возьми у них еще огня. Может, уже и Глеб с Рустемом вернулись. Найдешь их?

Имя Сосновского, произнесенное вслух, словно дало Неле глоток свежего воздуха. Она с готовностью кивнула, начала подниматься, но затем снова оглянулась на Люсю. Она лежала, прижимаясь к телу друга, и тихо плакала, без слез, жмурясь от боли и кусая губы. У Нели сердце кровью обливалось при одном лишь взгляде на нее. Она быстро наклонилась к подруге, взяла ее за плечо и прошептала в ухо, не уверенная, что Люся ее услышит:

— Я сейчас вернусь, Люсенька! Огонь нам сюда принесу. Я скоро!

Это было меньшее, что она могла сейчас сделать для подруги. Быстро выпрямившись, она в последний раз посмотрела на Шакунова, не зная, что ему сказать.

— Я скоро, — повторила она.

Она не без труда выбралась из оврага, и здесь, на вершине, ее едва не сбил с ног ветер. Она уже забыла, какой разрушающей силой он обладал, как был коварен, с какой силой набрасывался, сбивая с ног. Притом здесь, среди деревьев, он дул еще не в полную силу, и страшно было вспомнить, что творилось на утесе горы. Неля по памяти пробиралась обратно к костру, пытаясь разглядеть огонек сквозь снег и стволы деревьев. Представляла, как находит его, отогревает окоченевшие, красные пальцы... А затем ей вспомнилось, что там до сих пор лежит Постырь, которого уже ничто не согреет. Голова гудела от мысли, что Вася и Коля уже никогда не откроют глаза, и они больше не услышат от них ни единого слова. У Нели перехватывало дыхание, она оступалась, когда мысли об этом беспощадно лезли ей в голову, разрывая мозг. Если бы только рядом с ней был Глеб... Тогда ей не было бы так страшно, так плохо. Если бы только он был вместе с ними, с самого начала, он бы не допустил ничего из этого.

А что с ним будет, когда он узнает? Когда они вернутся домой? Что с ним сделают за смерть товарищей?

Неля ускорила шаг.

Костер не горел, но возле него теснилось трое парней, растянувшись на снегу. Неля со всех ног бросилась к ним, упала возле ближайшего, начала тормошить и не сразу заметила, что это был Постырь. Он лежал в стороне от остальных, на боку, но Неля развернула его лицом вверх, не зная, кто это, и теперь бледное, застывшее лицо Васи смотрело прямо на нее. Неля отдернула руки. Страх и боль теснились в ней, и она не знала, какое чувство было сильнее.

— Васенка?

Голос был такой слабый, что она вначале решила, что ей показалось. Обернулась и встретилась с неподвижным взглядом Дорошенко.

Он лежал рядом с Броней, прижимаясь к его спине. Сам Толя не шевелился, зарывшись лицом в снег. Его рыжие волосы задорно топорщились в стороны, и их трепал ветер. Казалось, еще миг, и он вскочит с неизменной ухмылкой во всю рожу: «Вот это я называю умывание снегом! Попробуйте сами!»

— Юр? Броня?..

У Нели закружилась голова. Она не могла подняться, чтобы подойти к ним, не могла принять еще одну смерть.

— Броня! Ну что вы лежите? Пойдемте в овраг, там не так холодно...

Юра не шевелился, только старался следить за ней взглядом. Неля все же нашла в себе силы подойти к ним и опуститься рядом. Она протянула было руку к плечу Броневского, но снова обернулась на Юру.

— Он замерз, — выдохнул он, едва шевеля заледеневшими губами. — Огонь... потух. Где... Вадя?

— Он в овраге, с Люсей и... — Неля закусила губу.

Она не выдержала. Опустилась на снег рядом с Юрой и прижалась к нему, спрятав лицо на плече. Тело Дорошенко было холодным, твердым, но он сипло дышал и слегка шевельнул рукой, пытаясь дотянуться до нее. Он был живым, он был рядом с ней. И как будто большего уже не требовалось.

— Юр, нужно идти, — прошептала Неля, хотя сомневалась, что сама теперь в состоянии подняться. — Нужно идти к ребятам, там настил, там нет ветра...

Он не отвечал, и она приподнялась, чтобы посмотреть на него. Лицо Юры заметала снежная крошка, забивалась между веками, и он уже не смог смахнуть ее.

— Юра...

— Я... — теперь его голос звучал глухо, как будто у него не осталось сил даже на то, чтобы полностью выдыхать слова вместе с воздухом, и они теснились у него в горле. — Ты знаешь... Я любил тебя. Давно уже. Но ты... ты всегда была... с Глебом. И...

Он добавил что-то еще, но Неля не расслышала. Она снова вспомнила тот неловкий, тот ужасный разговор в теплой палатке, у печки, и у нее заныло сердце от мысли, как она не ценила эти простые вещи тогда.

Тепло. Палатку. Живых, здоровых товарищей рядом.

— Юрочка, нам нужно вернуться в овраг, — поспешно заговорила она, склонившись над ним. — Ты слышишь? Там теплее, там ребята. Пошли к ним. Юра, пожалуйста!

Она не могла сказать ему, признаться, как ей была нужна его поддержка сейчас. Как ей стало спокойнее, когда она нашла его здесь, с замерзшими Постырем и Броней. Как ей было важно, чтобы он был сейчас рядом с ней.

Она не сказала. Потому что Юра ее бы уже все равно не услышал.

Как в тумане, не соображая, что она делает, почти не чувствуя рук, Неля зажимала пальцами ручку финского ножа Брони и срезала с него одежду. Она, Вадим и Люся замерзали, и с ними станет то же самое, что с Толей и Юрой. Им нужна одежда, раз у них не осталось огня. У нее не было выхода.

Так она пыталась убедить себя.

Она не запомнила, как шла обратно. В руках сжимала срезанные штаны, телогрейку и уже не оставалось сил думать, что это

одежда Брони, которому она больше никогда не понадобится. Она могла думать только о том, чтобы поскорее согреться. Сесть рядом с Люсей на плотный валежник, укрыться чужой телогрейкой, закрыть глаза и забыться. А когда проснется снова, то обнаружит себя в палатке, как это бывало не раз до этой ночи. Каким бы реальным не казался ей привидевшийся кошмар, она всегда просыпалась, а рядом были ребята. Глеб бы снова сердился на нее и говорил, чтобы она перестала заниматься глупостями. Постырь качал головой и наказывал никому об этом не рассказывать. Люся бы снисходительно на нее посматривала, а Юра бы защитил и поддержал ее.

Неля споткнулась и едва кубарем не слетела с пригорка. Внизу темнели силуэты трех человек, прижавшихся друг к другу. Неля решила пока ничего не говорить им — ни про огонь, ни про Толю с Юрой. Ничего не говорить, просто быть рядом с ними. Сколько потребуется.

— Ребята... это я.

Она не представляла, что они скажут, когда увидят одежду Брони. Не представляла, как посмотрит им в глаза.

— Ребят...

Никто не поднял к ней головы. Никто не посмотрел на нее. Никто ничего не сказал.

Люся продолжала держаться за Колю, уронив голову на его плечо. Ее словно пытался успокоить Вадим, держа за руку. Тело Норкина припорошило снегом, его сильная, крепкая фигура обмякла, как пустой костюм.

Неля постояла, смотря на них. Потом медленно сложила срезанную одежду рядом, оставив себе только кусок штанин, в который она замотала руки, наподобие муфты. А затем она развернулась и пошла обратно.

У нее остались еще Глеб и Рустем. И она либо умрет, либо найдет их.

А после наконец-то проснется.

***

Эта ночь наверняка была самой холодной и ветреной за весь поход. Неля возвращалась к склону Раупа, идя навстречу ветру, ничего не видя перед собой, согнувшись и загребая ногами снег. Никто уже не скажет ей, что она сделала неправильный выбор. Что нужно было остаться в овраге, или поискать у ребят по карманам спички или сделать что-то еще.

Оставалась только одна, самая последняя надежда. Что Глеб и Рустик вернулись к палатке, откопали ее и теперь пережидали непогоду там, надеясь на то, что ребята смогут продержаться ночь, чтобы утром встретиться с ними. Неля не думала, что скажет им, когда найдет. Не представляла, что станет с Глебом, когда он обо всем узнает. И что с ним сделают, когда они вернутся в город.

Несколько раз она спотыкалась, поскальзывалась на камнях и падала, но каждый раз ей везло, она всего лишь отбила себе колени и в кровь разбила ладони. Почему Васе и Коле не повезло так, как ей? Почему самые сильные оказались ранены больше остальных?

Она не могла ориентироваться по склону горы на фоне неба, по выступам скал. Снег, ветер обрушивались, едва она поднимала голову. Она шла, согнувшись почти вдвое, спрятав замерзшие, раненые руки под мышками. Кусок штанин Брони она выронила по дороге и не стала тратить силы на то, чтобы поднять их.

Только мысли о палатке и Глебе помогали ей делать каждый новый шаг. Только ради этого она могла идти дальше.

Под хлипкой березкой, которая тряслась от порывов ветра, что-то лежало, заносимое снегом. Неля почти споткнулась об это, а когда она опустила взгляд, у нее подкосились ноги.

Не чувствуя рук, она с трудом перевернула тяжелое, твердое тело на спину. Горячий крик вырвался из ее груди, ободрав губы. Слабость ударила изнутри в глаза, выбив оставшиеся слезы.

Лицо Глеба, покрытое коркой льда. Глаза приоткрыты, полные губы разомкнуты. В волосах, на бровях снег, на бледной коже свежие царапины и ссадины.

Неля схватила его за твердые, заледеневшие руки, не веря, что он мертв. Что он уже давно погиб здесь, а они ждали его возвращения и были уверены в этом.

— Глеб! Глеб! Глеб, пожалуйста! Открой глаза! Посмотри на меня! Глеб!

Она плакала и кричала из последних сил, пыталась отогреть ледяные пальцы Сосновского. Верила, что если постарается и крикнет слишком громко, то он все же откроет глаза. Поднимется с этого глупого, холодного снега. Обнимет ее так, как никогда еще не обнимал, и выдохнет в самое ухо: «Ну что, испугалась? Пойдем в палатку скорее, смотри, вся замерзла»...

Ей было так нужно, чтобы сейчас кто-нибудь сказал ей это. Так было нужно, чтобы кто-нибудь просто был рядом с ней сейчас.

Глеб уже никогда не откроет глаза. Не поднимется. И не скажет ей ничего из этого. Неля выплакала последние слезы, прижавшись лицом к его шее, а после этого поднялась, заставила себя отпустить руки друга, и пошла дальше.

Наверх. В белизну. В ветер и снег. К палатке.

Сил не осталось. Надежды тоже. Неля ковыляла с трудом, еле переставляя ноги и уже давно перестав их чувствовать от холода. Да и зачем, куда ей идти, если Глеба больше не было? Если никого

больше не было кроме нее? Так... зачем? Чем она лучше их? Сильнее? Счастливее?

И, возможно, это именно из-за нее все и случилось. Если бы она была тверже, сказала Глебу тогда, что им все-таки нужно повернуть назад, и пусть ребята шумят и ругаются сколько им влезет. Тогда все бы сейчас были живы. А не...

Она не споткнулась. Не поскользнулась. Но слабые ноги вдруг заплелись, и она как подкошенная рухнула вперед, лицом в снег. Попыталась подняться, но сразу поняла, что у нее не хватит сил. Тогда она принялась ползти вперед, подтягивая свое неуклюжее тело на руках, но быстро поняла, что и это ей не по зубам.

Тело ее больше не слушалось. Руки больше не слушалось. Голова безвольно упала, щекой прямо в снег, и Неля замерла, надеясь, что быстро отдохнет, встанет и пойдет дальше.

Совсем немного.

Возможно, там, в палатке ее все-таки ждет Рустик.

Там...

Где-то безумно далеко от нее.

Уже проваливаясь в сон, Неля вдруг почувствовала тепло, и это было так странно, что она смогла снова открыть глаза. Тепло. Она думала, что уже больше никогда не почувствует этого. Где-то в груди. Где до сих пор билось сердце.

Снег перед глазами потускнел, а затем начал темнеть. Ресницы смерзлись вместе. Тепло приятно растеклось по всему телу.

Неля вздохнула и заснула.

О тех, кто будет

— Неля! Неля! Вставай! Слышишь меня?

Она с трудом приподнимается на руках, не открывая глаз. Блаженное тепло ушло, и она снова чувствует усталость после этого невозможно долгого дня.

— Но я только легла...

— Ничего-ничего! — крепкие руки подхватывают ее под мышками, помогают встать. — Пошли, посмотришь, что там!

Еще не до конца проснувшись, ничего не соображая, Неля позволяет вывести себя из палатки и только после этого протирает глаза и смотрит, куда ей указывают.

В небе разливается желто-зеленое сияние. Цветные огни медленно, величаво танцуют, то почти исчезая, то разгораясь ярче. У Нели перехватывает дыхание. На миг или два почему-то становится очень страшно, но затем она улыбается. Необъяснимое счастье заполняет ее грудь.

— Северное сияние в Хибинах! И все-таки мы это увидели!

Броня щелкает затвором, торопясь запечатлеть редкую красоту. Он прыгает туда сюда, снимая с разных ракурсов, а порой оборачивается и фотографирует друзей. Неподалеку стоит Вадим Шакунов и бормочет себе под нос:

— Тут бы цветную пленку и чтобы на видео... Как бы придумать?..

А Сашка Южин по-детски хлопает себя по коленям, сидя на бревне у костра.

— Я же говорил, повезет нам! Надо просто верить, ребята! Другого шанса у нас просто не было бы, вот поэтому все и сошлось!

— Ну да, а прогноз и расчет времени тут вообще никакой роли не сыграли, — фыркает Коля Норкин. — Нужно просто верить, ага...

— Мне из-за твоего бубнежа хуже видно, — не выдерживает Люся и толкает его в бок.

Неля с трудом отводит взгляд от восхитительной картины и оборачивается. За ее спиной стоит Глеб. И улыбается, смотря только на нее, но никак не на сияние.

— Прости, что разбудил, Васенка. Но я подумал, ты не простишь, если бы пропустила такое.

Она улыбается, кивает и почему-то все никак не может снова поднять взгляд на небо.

— Такое зрелище лучше самых прекрасных снов!

Глеб весело подмигивает ей.

— То ли еще будет! Вот в следующем году на полярном Урале будем, как мечтали. Я уверен, тебе там понравится.

Она слегка краснеет, как будто он только ради нее одной собирается затеять этот поход, и снова поднимает голову, смотря на разноцветные огни.

К ней подходит Сосновский, едва касается плечом, и Неля осторожно берет его за теплую руку. В этот момент она убеждается, что пока он будет рядом с ней, она готова отправиться хоть на Луну.

И пока с ними будет их неутомимая турбанда, конечно! Вадик делится планами с Толей о том, что им непременно нужно снять фильм о северном сиянии в Хибинах, иначе человечество утратит важную часть своей истории. Толя улыбается и ничего не отвечает. Он истратил всю пленку и наконец-то может посмотреть на сияние не сквозь объектив фотоаппарата.

Саша поднялся и теперь стоит с Люсей. Он что-то тихо рассказывает ей, но Коломийцева ничего не слышит. Коля Норкин наклоняется в ее сторону и тоже что-то коротко говорит. Люся громко хохочет, зажав себе рот рукой.

Собравшись вместе, ребята смотрят на северное сияние, и верят, что это прекрасный и счастливый знак для них. Что отныне для них открыты любые дороги, и все вместе они добьются еще не таких высот.